

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 4 / 2018

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., доктор юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калининченко И.А., кандидат педагогических наук,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

1-й заместитель главного редактора:

Шугрина Е.С., доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Свистунов А.А., кандидат юридических наук, доцент,
Субботин В.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Лопатин В.А., кандидат юридических наук, доцент,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с заведующим кафедрой энергетического права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктором юридических наук
Романовой Викторией Валерьевной 3

СТАТЬЯ НОМЕРА

Тепляшин И.В., Богатова Е.В.

Инфляция высшего юридического образования:
в контексте исследования проблем 6

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Попова О.В. Использование конструктора договоров
при изучении аграрного права
как интерактивный метод обучения 12

Воротилина Т.В. Анкетирование студентов
как неотъемлемый элемент объективной оценки
качества образовательного процесса в вузе 16

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Плешаков В.А. Взаимовлияние маргинальности
и преступности на современном этапе развития общества 20

Антонов В.А., Россинский С.Б. Следственный осмотр —
лишнее звено в механизме приобщения вещественных
доказательств к материалам уголовного дела 25

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Доронина А.К. Вопросы охраны окружающей среды
Арктики при осуществлении деятельности
в прибрежных морях и на континентальном шельфе 33

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Сафина С.Б. Развитие конституционного
законодательства республик в постсоветский период 38

Иванова К.А. Трансформация права граждан
на свободу мнения в сети Интернет 43

Памятка авторам журнала

**«Юридическое образование и наука»
по оформлению научных статей** 48

Плата с авторов за публикацию статей
не взимается.

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88

Адрес редакции / издателя:

115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Каталог «Роспечать» — инд. 47641,
а также через www.gazety.ru
ISSN 1813-1190
Подписано в печать 12.04.2018.
Номер вышел в свет 10.05.2018.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

No. 4 / 2018

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE STATE PRESS COMMITTEE. Registration PI No. FS77-29362 August 23, 2007.

The magazine is published in cooperation with the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Founder: Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Baranov V.M., doctor of juridical sciences, professor,
Blazheev V.V., candidate of juridical sciences, professor,
Bublik V.A., doctor of juridical sciences, professor,
Golichenkov A.K., doctor of juridical sciences, professor,
Perevalov V.D., doctor of juridical sciences, professor,
Kalinichenko I.A., candidate of pedagogical sciences,
Kapustin A.Ya., doctor of juridical sciences, professor,
Kropachev N.M., doctor of juridical sciences, professor,
Kurilov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Surovov S.B., doctor of sociological sciences, professor,
Sheveleva N.A., doctor of juridical sciences, professor,
Shishko I.V., doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief of the Journal:

Matskevich I.M., doctor of juridical sciences, professor

First Editor in Chief:

Shugrina E.S., doctor of law, professor

Deputy Editors in Chief:

Svistunov A.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Subbotin V.N., candidate of pedagogical sciences,
assistant professor,
Lopatin V.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Tsaregradskaya Yu.K., doctor of juridical sciences,
assistant professor

Executive Editor of the Journal: Shengelya G.A.

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publication of results
of doctoral and candidate theses.**

INTERVIEW

Interview with **Viktoria Valeryevna Romanova**,
Head of the Department of Energy Law of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law 3

ARTICLE OF THE ISSUE

Teplyashin I.V., Bogatova E.V. Inflation of Higher
Legal Education: against the Background of the Issue Review 6

ISSUES OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Popova O.V. Usage of an Agreement Design Wizard
in Agrarian Law Study as an Interactive Learning Method 12

Vorotilina T.V. Polling Students as an Integral Element
of Objective Assessment of the Quality of the Educational
Process in a Higher Educational Institution 16

DISCUSSION ANTI-CRIMINAL TRIBUNE

Pleshakov V.A. Interrelation between Marginality
and Crime on the Modern Society Development Stage 20

Antonov V.A., Rossinsky S.B. An Investigatory
Examination as an Excess Link in the Mechanism
of Material Evidence Inclusion in Criminal Case Files 25

DISCUSSION TRIBUNE OF INTERNATIONAL LAW

Doronina A.K. Arctic Environment Protection Issues
in Carrying out of Activities in Near-Shore Areas
and on the Continental Shelf 33

DISCUSSION TRIBUNE OF STATE LAW

Safina S.B. Development of Constitutional Laws
of Republics in the Post-Soviet Period 38

Ivanova K.A. Transformation of the Civil Right
to the Freedom of Expression in the Internet 43

**Note for the authors of the Legal Education
and Science journal on formatting
of scientific articles 48**

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.
Subscription in Russia:
Rospechat' — 47641, www.gazety.ru
ISSN 1813-1190
Signed for printing 12.04.2018.
Issue was published 10.05.2018.

Интервью с заведующим кафедрой энергетического права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктором юридических наук Романовой Викторией Валерьевной

— Как пришла идея о создании такой кафедры? Что этому предшествовало? Какой была кафедра пять лет назад, какая она сейчас? Что получилось сделать?

— Предложение о создании кафедры энергетического права в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) было сделано ректором МГЮА Виктором Владимировичем Блажеевым в 2011 г. Сначала был разработан и апробирован курс «Основы энергетического права», поняв, что курс вызывает интерес, пошли на создание кафедры энергетического права. Решение о создании кафедры энергетического права было принято Ученым советом МГЮА 25 марта 2013 г. Основное требование Виктора Владимировича касалось привлечения для работы на кафедре юристов, работающих в сфере энергетики, и максимальной практикоориентированности подготовки студентов, обучающихся по профилю «Юрист в сфере энергетики». В этом году у кафедры первый пятилетний юбилей. Вначале на кафедре было шесть человек, сейчас — 11. Постоянно поступают обращения о желании прийти к нам на кафедру. Это очень приятно. Получилось организовать включенную в учебный процесс практику обучающихся по профилю «Юрист в сфере энергетики» в Минэнерго России, Комитете Государственной Думы по энергетике, управлении энергообеспечения Департамента жилищно-коммунального хозяйства города Москвы, ПАО «Мосэнерго», ПАО «Федеральная сетевая компания», ПАО «Мосэнергосбыт», Акционерном обществе «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа». Изданы учебники и монографии, разработано значительное количество рабочих программ для всех уровней образования. Регулярно проводятся научные конференции и круглые столы по энергетическому праву, в том числе международные.

С 2014 г. на русском и английском языках издается научный журнал «Правовой энергетический форум», в котором публикуются статьи известных и молодых ученых, практикующих юристов. Журнал включен в перечень журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Нельзя не согласиться с Виктором Владимировичем Блажеевым, что самое главное — это удалось создать дружный коллектив единомышленников, которые занимаются этим научным и образовательным проектом. Подготовка профильных кадров для энергетической отрасли — ответствен-

ная и актуальная задача, так же как и совместная работа над научными исследованиями, в которых мы стараемся рассматривать наиболее острые вопросы правового регулирования в сфере энергетики. Я очень благодарна всему коллективу нашей кафедры за работу и активное участие. Многого получилось сделать, но впереди еще гораздо больше работы, и, конечно, всему коллективу хочется пожелать крепкого здоровья, успехов и благополучия.

— С кафедрами каких вузов России, с какими государственными органами, энергетическими компаниями сотрудничает кафедра энергетического права?

— Кафедра энергетического права МГЮА благодарна за сотрудничество, помощь и поддержку кафедре правового регулирования ТЭК МГИМО, кафедре коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кафедре предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского федерального университета, кафедре административного

и энергетического права Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. Кафедра энергетического права благодарна за сотрудничество, помощь и поддержку Министерству энергетики РФ, Комитету Государственной Думы по энергетике, Департаменту энергетики Евразийской экономической комиссии, управлению энергообеспечения Департамента жилищно-коммунального хозяйства города Москвы, правовым и профильным блокам ПАО «Газпром», ООО «Газпром энергохолдинг», ПАО «Мосэнерго», ПАО «Российские сети», АО «Администратор торговой системы», АО «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа», ПАО «Интер РАО», ПАО «Мосэнерго-сбыт», ПАО «Федеральная сетевая компания», Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Мы очень ценим данное сотрудничество, которое приносит огромную пользу проекту.

— Сколько специалистов ежегодно выпускает кафедра? Где работают выпускники?

— Примерно 22 профильных специалиста ежегодно. Приятно, что юристы, обучавшиеся по профилю «Юрист в сфере энергетики», востребованы в энергетических компаниях, успешно работают, в том числе в таких компаниях, как ПАО «Мосэнерго», ПАО «Мосэнерго-сбыт», ПАО «Лукойл», АО «Системный оператор», ФГБУ «Росгеолэкспертиза».

Очень приятно слышать, когда наших выпускников хвалят работодатели в энергетических компаниях. Хорошо, что бывшие выпускники приходят и хотят прийти работать на кафедру, с удовольствием проводят занятия, научно-практические мероприятия для студентов. Для студентов с 2014 г. ежеквартально проводится студенческий научный форум по энергетическому праву.

В 2017 г. в рамках Российской энергетической недели были проведены два конкурса: «Будущий юрист в сфере энергетики» и «Молодой юрист в сфере энергетики».

В конкурсе «Будущий юрист в сфере энергетики» принимали участие бакалавры последнего года обучения из разных вузов России. Студентам нужно было решить несколько задач по проблемам правового регулирования в различных отраслях энергетики. Вопросы готовили и оценивали юристы Минэнерго России, правовых блоков энергетических компаний.

В конкурсе «Молодой юрист в сфере энергетики» принимали участие профильные выпускники, работающие в энергетических компаниях. Оценивались качество работы, участие в научных мероприятиях, первые научные публикации.

Лауреатов конкурса награждал министр энергетики РФ Александр Валентинович Новак. Это был настоящий праздник для ребят и всех нас.

— Как в настоящее время развивается энергетическое законодательство? Где необходимо внести поправки?

— Энергетическое законодательство продолжает активно развиваться. Несмотря на имеющиеся тенденции к унифи-

кации, в целом оно развивается по отраслевому принципу. Наиболее детализированным на сегодняшний день является нормативно-правовое регулирование в сфере электроэнергетики, атомной отрасли, теплоснабжения.

Правовой анализ выявленных проблем правового регулирования в сфере энергетики позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование нуждается в существенной переработке. Причем в идеальном варианте начинать нужно с принятия актуальных документов стратегического планирования, на что справедливо обращают внимание специалисты отрасли.

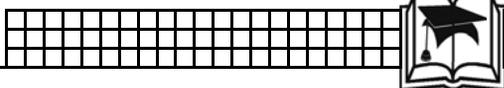
Ключевой отраслевой документ стратегического планирования — Энергетическая стратегия-2030 — был утвержден в 2009 г. и не может в силу изменений многих объективных факторов отражать современные цели и задачи развития энергетических рынков. Проект Энергетической стратегии-2035 начал обсуждаться с 2014 г., но так по настоящее время и не утвержден.

Соответственно, потребуется и последующая корректировка Генеральных схем развития нефтяной, газовой отраслей, утверждения порядка составления топливно-энергетических балансов. Это позволит избежать в том числе строительства неиспользуемой энергетической инфраструктуры там, где это не требуется, и, напротив, осуществлять строительство, модернизацию необходимой инфраструктуры, где это требуется.

Доводы специалистов энергетической отрасли о необходимости утверждения Концепции развития внутреннего рынка газа свидетельствуют о необходимости существенных изменений в законодательстве о газоснабжении, включая порядок взаимодействия участников внутреннего рынка газа, особенности их правового положения, требования к государственному регулированию. Представляется особенно актуальной проработка положений, регулирующих общественные отношения в сфере газификации.

Правовой анализ проблем и тенденций правового регулирования электроэнергетического рынка свидетельствует о целесообразности постановки вопроса о разработке возможно отдельного законодательного акта, регулирующего деятельность электросетевого комплекса.

Наличие базового Федерального закона «Об электроэнергетике» не препятствует принятию отдельных федеральных законов в сфере электроэнергетики, так же как и в иных отраслях. В качестве примера можно привести систему правового регулирования в области использования атомной энергии, где есть базовый Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 317-ФЗ «Об использовании атомной энергии», и при этом приняты отдельные федеральные законы: Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения», Федеральный закон от 5 февраля 2007 г. № 13-ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации», Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“», Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Наиболее сложным в правовом регулировании в сфере энергетики является обеспечение баланса интересов поставщиков и потребителей, правовое обеспечение защиты их интересов при возникновении разногласий.

Представляется также, что дальнейшее развитие правового регулирования энергетических рынков РФ должно осуществляться с учетом положений Договора о Евразийском экономическом союзе, в том числе касающихся формирования общих рынков энергетических ресурсов, которое осуществляется при условии приоритета внутренних потребностей государств-членов в энергетических ресурсах и скоординированной энергетической политики.

— Насколько нам известно, вы первая и единственная женщина в России, которая начала изучать энергетическое право как науку. Почему именно эта отрасль вызвала у вас интерес, ведь кандидатскую вы защищали по специальности «международное право»?

— Кандидатскую диссертацию по теме «Российская собственность за рубежом: проблемы правопреемства и управления» защищала по двум специальностям: 12.00.10;

12.00.03. Докторскую диссертацию «Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов» — по двум специальностям: 12.00.03; 12.00.07. Работа над диссертационным исследованием была интересной, так как ей предшествовал значительный практический опыт по юридическому сопровождению проектов по строительству и модернизации энергетических объектов. Приятно, что некоторые предложения, сделанные в диссертационном исследовании, впоследствии нашли отражение в законодательных актах.

Дальнейшая научная работа над проблемами правового регулирования в сфере энергетики была обусловлена реализацией проекта по развитию энергетического права в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Необходимо было провести работу по систематизации, чтобы подготовить первые в России учебники по энергетическому праву, опорные монографии. Большую помощь в этом оказали работа в Общественном совете при Министерстве энергетики РФ, экспертном совете Комитета Государственной Думы по энергетике, сотрудничество с Юридическим департаментом Минэнерго России, правовыми блоками энергетических компаний, судейским сообществом, российскими и зарубежными учеными. Хочется высказать самые теплые слова благодарности всем, кто поддерживает развитие энергетического права как научного, образовательного, экспертного проекта.

Беседу вела

Ольга Фёдоровна Платонова

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-6-11

Инфляция высшего юридического образования: в контексте исследования проблем

Тепляшин И.В., Богатова Е.В.*

Цель. Изменение образовательных стандартов и технологии получения высшего юридического образования приводит сегодня при всех прочих результатах к деформации профессионального портрета выпускника вуза. Практика перехода к трехуровневой системе высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и в свою очередь отказ от специалитета свидетельствуют о стремлении государственных структур сформировать качественную модель поэтапного профессионального обучения. При этом упускаются из вида отдельные составляющие общей образовательной функции государства: соотношение числа профессиональных программ в вузах и их педагогического потенциала; уровень квалификационных навыков (квалификации) педагогического состава; взаимосвязь производства и высшего учебного заведения. **Методология:** диалектика, формально-юридический метод, синтез, анализ, экономико-правовой и психолого-правовой методы. **Выводы.** Во-первых, несмотря на изменения образовательной политики в русле рыночной экономики, переход к Болонским (европейским) стандартам, введение иных новшеств и правил, результат не согласуется с ожиданиями общества и запросами работодателей. Здесь можно наблюдать переход от реального качества образования к количеству выпускников юридических вузов с условными, поверхностными знаниями, что можно обозначить как инфляцию высшего юридического образования. Во-вторых, государство обязано предлагать обществу вариативность реализации образовательной политики и таким образом гарантировать гражданину возможность пользоваться динамикой и оперативностью в выборе передовых, перспективных форм педагогической и научной деятельности. В этом плане государственным структурам следует продолжить аккредитационные и иные контрольные мероприятия в отношении осуществляющих подготовку юридических кадров (юристов) вузов на предмет их соответствия качественным параметрам и перспективности функционирования. В-третьих, озабоченность вызывает социально-правовой статус педагога высшей школы: начиная со степени оплаты труда, уважения к этой категории трудовой интеллигенции со стороны общества в целом, заканчивая состоянием юридических гарантий прав, законных интересов данной группы лиц, а также наличием соответствующих льгот и привилегий. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволяет определить инфляционные процессы в сфере высшего юридического образования как научной новеллы, позволяющей понять стратегические просчеты в образовательной политике. Авторы уверены, что неудовлетворительное состояние и деструктивные тенденции развития системы высшего юридического образования могут снизить эффективность функционирования системы публичной власти и организационно-управленческой деятельности негосударственных структур. Выводы данного исследования могут быть использованы при изменении (реформировании) общей архитектуры образовательной политики, обсуждении ее параметров на уровне научных семинаров и конференций.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, образовательное право, правовая политика в сфере образования, научное сообщество, инфляция образования, преподаватель высшей школы, социально-правовой статус профессорско-преподавательского состава.

Inflation of Higher Legal Education: against the Background of the Issue Review

Teplyashin I.V., Bogatova E.V.**

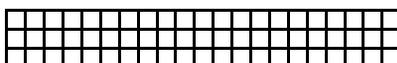
Purpose. Change in educational standards and technology of entering high education lead today, with all other results, to deformation of a professional profile of a graduate of a university. The practice of transition to a three-tier system of higher education (bachelor's, master's, post-graduate) and, in turn, the rejection of a specialty, testifies to the intention of government institutions to form a qualitative model of stage-by-stage vocational education. At the same time, individual components of the general educational function of the state are neglected: the ratio of the number of professional programs in higher education institutions and their pedagogical potential, the level of qualification skills of the teaching staff, the interrelationship of production and higher education institute. **Methodology:** dialectics, formally legal method, synthesis, analysis, economic-legal and psychological-legal methods. **Conclusions.** Firstly, in spite of the changes in educational policy in line with the market economy, the transition to the Bologna (European) standards, the introduction of other innovations and rules, the result does not agree with the expectations of the society and the demands of employers. Here you can observe the transition from the real quality of education to the number of graduates of law schools with conditional superficial knowledge, which can be designated as inflation of higher legal education. Secondly, the state must propose to the society

* ТЕПЛЯШИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, ivt-sl@yandex.ru

БОГАТОВА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, bogatova.ev@mail.ru

** TEPLYASHIN IVAN V., Assistant Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

BOGATOVA EVGENIA V., Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University

*the variability of the implementation of educational policy in this way guarantee the citizen the opportunity to use the dynamics and efficiency in the selection of advanced, promising forms of pedagogical and scientific activity. From this perspective, government agencies should continue letter of accreditation and other monitoring arrangements in relation to universities that accomplish training legal personnel (judicial personnel) to the subject of compliance quality characteristics and prospects of operation. Thirdly, concernment causes socio-legal status of high school teacher starting from the level of remuneration of labour, respect for this category of black-coated proletariat from the society as a whole, ending with condition of legal guarantee of the rights, legitimate interests of this group of people and also availability of corresponding privileges and preferences. **Scientific and practical significance.** Undertaken study allows defining inflationary processes in the sphere of higher legal education as a scientific novella, which makes it possible to understand strategic miscalculations in educational policy. The authors sure that weakness and destructive tendencies in the development of the system of higher legal education could reduce the efficiency of the functioning of the public authority system and organizational management behaviour of non-governmental structures. The conclusions of this study can be used to change (reform) the general architecture of educational policy, to discuss its parameters at the level of scientific seminars and conferences.*

Keywords: law degree, education law, legal policy in the sphere of education, scientific community, inflation education, high school teacher, socio-legal status of teaching staff.

Мне нередко приходилось беседовать со стариками актерами, благороднейшими людьми, дарившими меня своим расположением; из разговоров с ними я мог понять, что их деятельностью руководят не столько их собственный разум и свобода, сколько мода и настроение общества... причину зла нужно искать не в актерам, а глубже, в самом искусстве и в отношениях к нему всего общества.

А.П. Чехов. *Скучная история*

Сегодня российская юридическая наука признала необходимость настоятельного и первоочередного изучения основ гражданского общества, факторов его дальнейшего развития применительно к особенностям функционирования государственной власти и становления национальной правовой системы. Это в определенной степени требует повышенного внимания к системе российского образования, что определяет устойчивость и прогрессивность социальной жизни российского общества.

В этом вопросе, как видится, исследование качества гуманитарного образования в механизме совершенствования жизни российского общества приобретает особое значение, является очевидным. Но реализация функций российского образования через призму гармоничного развития современного российского общества может быть наиболее эффективной только при соответствующем профессиональном и ответственном отношении к этой области. Общество ожидает результата эффективной реализации выпускниками высших учебных заведений своих навыков и умений в практической сфере. Граждане заинтересованы в гарантированном оказании им качественной юридической помощи, защите своих прав и законных интересов, предоставлении правовых услуг и сопровождении юридически значимых действий, представлении своих интересов в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Надо сказать, это только айсберг основных функций и задач, реализуемых профессиональными юристами и представителями научного сообщества. Главное — от этой деятельности во многом зависят системность и цивилизационный характер социальной организации общества, качество функционирования государственных и негосударственных структур.

При этом анализ состояния российского юридического образования показывает, что содержательной составляющей данной системы профессиональной деятельности не уделяется должного внимания. Специалисты обоснованно отмечают падение социального статуса учителя и преподавателя, что отражается в степени уважения представителей современного российского социума к подобного рода труду, его престижа, а также социальных гарантий этой профессии¹.

В свою очередь сегодня социально-правовые преобразования, экономические трудности, происходящие в современной России, в том числе вызовы внешнего характера, все более явственно демонстрируют определенное стремление российского общества идти по пути формирования новых принципов и технологий образовательной политики. Единый государственный экзамен, введение Болонских стандартов и другие новшества-эксперименты в сфере образования не всегда приводят к положительным результатам и порой имеют негативные последствия, главным образом отражающиеся на реальных знаниях и студентов, и выпускников вузов. Так, например, осуществляются пробные шаги к формированию национального рейтинга качества предоставления образовательных услуг со стороны высших образовательных учреждений. Профессиональная педагогика стремится к созданию единых подходов к процессу обучения студентов в русле прогрессивного социально-правового развития общества, определению методологии целенаправленного исследования новых гуманитарных знаний, обеспечению учебного процесса соответствующими научно-технически-

¹ Сергеев А.Л. Реформа образования в России: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 29.

ми инструментами. Но, с другой стороны, формируемая концепция высшего юридического образования может содержать определенные противоречия: между концепцией гуманитарной науки, последовательным обновлением ее задач и функций и реальными потребностями российского общества; между формами специализации в обучении и задачами разностороннего развития личности, ее творческих способностей; между господствующей системой традиционного обучения и инновационными приемами получения студентом основных и специальных знаний².

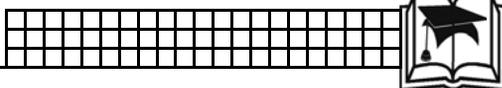
Инфляция (от лат. *inflatio* — вздутие) — переполнение сферы обращения избыточной денежной массой при отсутствии адекватного увеличения товарной массы, что вызывает обесценивание денежной единицы³. Инфляция является категорией, используемой в основном в экономике и, как правило, характеризует процессы, связанные с обесцениванием денежных средств государства, ростом рыночных цен на ресурсы, товары и услуги. Причин для такого явления, как инфляция, много, например: кризис производственного сектора экономики; чрезмерный приток иностранной валюты в страну; широкое распространение и развитие торговых цепочек (когда один товар проходит несколько раз через систему «покупка — продажа — покупка»), что приводит к повышению конечной цены товара и не свидетельствует о повышении его качества. Как экономико-социальный институт, инфляция может проявлять себя в различных сферах, в том числе в системе высшего образования. Инфляция высшего юридического образования — это процесс снижения (девальвации⁴) социально-правового статуса профессорско-преподавательского состава и формирования «критической массы» некачественных, невостребованных на рынке труда специалистов, что приводит к падению эффективности государственного управления, деформации профессиональной правовой культуры и регрессу форм правовой деятельности в части их социальной обусловленности. В свою очередь, это способствует снижению уровня законности, правопорядка, безопасности в государстве и переходу к нестабильному состоянию гражданского общества и функционированию государственного аппарата.

На взгляд авторов, инфляция в системе высшего образования проявляется в следующих сферах (направлениях).

1. Мотивация потребителей образовательных услуг (абитуриентов, студентов, слушателей). Сегодня в системе высшего юридического образования происходят про-

цессы, которые системно создают условия для формирования сонма (массива) лиц с высшим образованием, о наличии которого свидетельствует диплом государственного образца, но, к сожалению, оно не всегда подтверждается знаниями и профессиональными компетенциями выпускников вузов. Эта ситуация подобна снежному кому. Печально, но сегодня вуз превратился в своего рода «коммерсанта» — количество денежных средств (финансирования) зависит от контингента студентов: чем больше студентов, тем больше финансовых ресурсов получит вуз. К тому же учреждения высшего образования ведут упорную конкурентную борьбу между собой за новых студентов, привлекая их порой рекламными технологиями, опираясь на обычные мотивационные приемы. Особенно это касается вузов, осуществляющих подготовку по наиболее востребованным специальностям и направлениям (юристы, экономисты, менеджеры). Так, в обществе сформировалась идея о том, что выпускник школы должен обязательно поступить в вуз. При этом объективно не оцениваются потенциал будущего студента, его реальные стремления, обусловленные общим кругозором, возможности, а порой даже имеющиеся способности и навыки абитуриента. В данной ситуации, как говорят экономисты, спрос рождает предложение. Поэтому в стремлении вузов удовлетворить спрос, как правило, вопросы, связанные с качеством оказываемых образовательных услуг, остаются на втором плане.

2. Качество подготовки выпускника. Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда происходит формирование выпускника-юриста с посредственными знаниями и навыками. Более того, из студенческого сообщества выхолащиваются имеющиеся знания и реальные стремления вчерашнего школьника. Высшая школа (исходя из недостатка кадровых, материальных, идеологических ресурсов) порой неспособна поддержать и даже развить уже устоявшийся уровень подготовки действующих студентов. Будущий специалист в процессе своего обучения «накапливает» нежелательные качества своего будущего профессионального статуса: неумение самостоятельно мыслить, анализировать материал; нежелание совершенствовать и развивать свои навыки; безынициативность. К сожалению, количество таких юристов растет, а качество оказываемых образовательных услуг продолжает падать. Так, зачастую приходится сталкиваться с такой ситуацией: конкурсные комиссии при поступлении на государственную службу учитывают «цвет» диплома у претендента. Сам же вуз, который окончил этот выпускник, в расчет практически не берется. Но специалистам в образовании известно — выпускник, имея диплом с «отличием» отдельных вузов, в классическом, например федеральном, университете вообще не защитит свои знания даже с минимальной оценкой. Кстати, работодатель ведь — тоже вчерашний выпускник определенного учебного учреждения, что также следует учитывать.

3. В рамках образовательной политики на государственном уровне ежегодно формируются контрольные цифры приема абитуриентов в вузы по соответствующим профилям и направлениям подготовки. На их основании высшими образовательными учреждениями организуется «бюджетный» набор, который финансируется государством, что, в свою очередь, находит отражение в федеральном бюджете на очередной финансовый год. Контрольные цифры приема в вуз являются плано-прогнозами и предполагают, что через четыре-пять лет в государственном секторе экономики возникнет потребность в специалистах с высшим образованием различной квалификации в указанном объеме. На практике студенты-бюджетники, выходя из стен вуза, далеко не всегда трудоустраиваются в соответствии с полученным образованием. Возникает резонный вопрос относительно эффективности расходования бюджетных средств в данной сфере. Получить экономический эффект от обучения в вузах студентов-бюджетников можно путем создания системы обязательного распределения таких выпускников на работу в государственные и муниципальные предприятия, а также в иные бюджетные структуры на определенный срок. Таким образом, абитуриенты смогут более осознанно выбирать будущую профессию, а вузы обратят особое внимание на такой контингент, а также уровень подготовки этих студентов. Но такую модель целевой подготовки студента можно создать только в результате законодательного вмешательства и осуществления политической воли со стороны Правительства РФ.

4. Мы пытаемся конвертировать наши традиции образования в западные (Болонские) стандарты. А получается имитация профессиональной работы и иллюзия достигнутых результатов. До сих пор в обществе остается открытым вопрос: бакалавр — это квалифицированный работник с высшим образованием или «недоученный» специалист. Магистратура, как новый образовательный институт, еще меньше понятен работодателю. Кем в конечном счете является магистр — «доученным» бакалавром или кандидатом для поступления в аспирантуру? Некоторые нечистые на руку учебные заведения пользуются этой запутанностью в обществе и «предлагают» (порой настойчиво убеждают, навязывают) выпускникам-бакалаврам поступить в магистратуру, видя практически за каждым магистрантом финансовую выгоду. При этом ресурсы и потенциал отдельных вузов, а тем более их филиалов не отвечают разумным требованиям классического образования и цивилизационным параметрам развития общества. В свою очередь, дефляции⁵ в образовательной сфере здесь точно не произойдет. Стоит признать, что имеющийся потенциал и ресурсы в сфере образования еще ни-

велируют, сдерживают «обесценивание» педагогических кадров и складывающуюся инфляционную ситуацию в высшей школе. Мы имеем в виду профессорско-преподавательский состав: их знания, опыт, работоспособность, порядочность, стремления.

5. Обратимся к высшему образованию в рамках освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), где мы видим следующее. А) Теперь аспирантура, согласно ст. 69 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁶, приравнена к форме образовательной деятельности наряду с бакалавриатом и магистратурой. Налицо вздутие высшего образования с одновременным поглощением им науки, которая, как представляется, растворяется в первом явлении. Б) Качество подготовки аспирантов сегодня отошло на второй план по сравнению с их количественным показателем, и как результат — неоправданное (не обусловленное реальными потребностями) количество защит диссертаций и появление новых «ученых». Разделяем позицию И.М. Мацкевича, указывающего на возникновение своеобразного конвейера — антипода научного обучения, который неприемлем в мероприятиях по качественному превращению вчерашнего аспиранта в ученого⁷. К сожалению это может стать нормой, обыденностью и еще страшнее — элементом научной правовой культуры. В этой связи хочется обратить внимание на то, что авторы настоящей статьи представляют региональную юридическую науку. В свою очередь от инициативы и правовой восприимчивости, мировоззренческого отношения к своей профессиональной деятельности прежде всего специалиста с высшим юридическим образованием в немалой мере зависит степень результативности процесса удовлетворения социальных и творческих стремлений субъектов российского общества, а значит гармонизация механизма правового регулирования и правовой жизни в целом.

6. Методическая работа профессорско-преподавательского состава также вызывает отдельные опасения. Сегодня достаточно интенсивно проводится работа по интеграции западных технологий в нашу классическую систему высшего образования, предлагаются различные информационные системы. При этом необходимо обратить внимание, что на западе трехступенчатая система образования вводилась не в одночасье и не унифицированно по всем специальностям и направлениям, к тому же при наличии соответствующих научно-педагогических ресурсов. Как видится, одним из факторов, послуживших формированию такой системы высшего образования, является своего рода «классовость» западно-европейского общества (т.е. возможность получить высшее образование имеет-

⁵ Дефляция (от лат. deflatio — сдувание) — снижение индекса цен; процесс, противоположный инфляции. См.: Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А. Словарь по экономике и праву. М.: Омега, 1999. С. 142.

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7598.

⁷ Мацкевич И.М. Еще раз об аспирантуре и об аспирантах: научное эссе на заданную тему // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 7.

ся у того, кто способен оплачивать свое обучение). После подписания Болонского соглашения российским вузам не только приходится менять подходы к организации учебного процесса, а также постоянно заниматься разработкой и поддержанием в актуальном состоянии методической документации (образовательных программ, учебно-методических комплексов дисциплин, рабочих программ дисциплины, фондов оценочных средств, различных стратегий, образовательных новелл и т.п.). Данное обстоятельство вызвано как с принятием и введением в действие новых федеральных государственных образовательных стандартов, так и частым внесением изменений в учебные планы по направлениям подготовки студентов в части изменения перечня дисциплин, количества компетенций, часов, тем, отведенных для изучения той или иной дисциплины, и др. Методическая работа отнимает у профессорско-преподавательского состава много времени, что вытесняет возможность качественной подготовки непосредственно к занятиям. Помимо прочего, преподавателю необходимо осуществлять научное исследование, заниматься воспитательной работой студентов, осуществлять иную внеаудиторную работу. Педагогический состав оказался в тисках: с одной стороны, педагогическая деятельность как основная, с другой стороны, научно-исследовательская, методическая, воспитательная как факультативная, но не менее важная и значимая.

Кроме того, государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «юриспруденция» содержит в себе перечень компетенций (общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных), которыми должен овладеть выпускник-юрист и которые находят свое отражение в различных методических документах, обеспечивающих реализацию данной образовательной программы. Обозначенные критерии являются своего рода мерилем качества подготовки выпускника-юриста. Приведем такой пример: в условиях последних годов существования советской власти экономическая обстановка была достаточно нестабильной и характеризовалась недостаточными финансовыми ресурсами при осуществлении государством своих публичных задач и функций. В этот период, когда уже на волнах перестройки сельское хозяйство, металлургическое производство, машиностроение, военно-промышленный комплекс еще в достаточно полной мере осуществляли свои задачи и функции (и сегодня мы пользуемся советским достоянием в этих сферах), российское общество уже испытывало дефицит⁸ общедоступных и первоочередных продуктов и услуг, важных для нормального, гармоничного, конкурентоспособного развития советского (российского) общества. Кроме того, на эти события накладывались достаточно не-

дальновидное и зачастую неграмотное финансово-экономическое управление и принимаемые решения со стороны партийного и номенклатурного руководства советской системы.

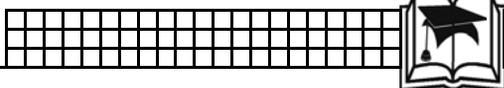
Но в этот период оставались на своем месте профессионалы, ведущие работники высшего образования, юристы-ученые, преданные своему делу и государству, активные ученые-новаторы, еще готовые к качественной и долговременной работе на благо общества. Более того, граждане относились к этим людям с глубоким уважением и признанием, как основополагающей части российской нации. Но сейчас мы живем в другом государстве и обществе, в котором изменены духовно-образовательные ценности.

7. Сегодня в государстве модель устойчивого здорового целостного общества изменяется. Обратим внимание на такой переход качества в количество, как «книга, знание, усердие, порядочность, долг... — власть, материальные ценности, привилегии, циничность...». Чаша весов явно склоняется в известную сторону. Возникают опасения в части реального возникновения дефицита профессиональных навыков и умений. Это касается качественной деятельности юристов в нашей жизни — в правоохранительной сфере, третейском правосудии, адвокатуре, правовой медиации и т.д.

Сегодня телезрители смотрят такие сериалы, как «Одиссея следователя...», «Личная жизнь следователя...», «Особая следственная аналитика», «Тайны следствия», «Майор и магия» и пр. Но ведь можно было бы снимать и показывать фильмы с иными названиями и вытекающим из этого соответствующим содержанием. Например: «Одиссея профессора...», «Личная жизнь доцента...», «Особая научно-исследовательская аналитика», «Тайны образования и науки», «Ученый и магия» и т.д. Но художественных картин с такими названиями российское общество, наверное, не увидит. В данном случае можно говорить о социальной дивергенции⁹ — увеличении разрыва между возможностью транслировать знания, педагогические ценности и культуру через киноэкран в художественные образы и реальным просвещением нашего общества через культивацию правоохранительной деятельности со стороны «настоящих героев». Нам возразят: ведь есть картины с таким названием, как «Учитель в законе. Возвращение», «Клянемся защищать»... Но и эти картины не про преподавателей, доцентов, профессоров и других представителей высшей школы. Может, про этих граждан не снимают художественные фильмы, потому что у них нет официального профессионального праздника и их профессия не престижна, не перспективна. Такая ситуация складывается в скучное время.

⁸ Дефицит (от лат. deficit — букв. недостает) — недостаточность средств, ресурсов, товаров в сравнении с ранее намечавшимся, запланированным или необходимым уровнем. См.: Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А. Указ. соч. С. 142.

⁹ Дивергенция — термин, используемый в экономике для обозначения движения по расходящимся линиям: увеличения разрыва между уровнями развития отдельных стран, усиления различий между национальными моделями экономики, их отдельными структурами и механизмами. См.: Экономический словарь. С. 168.

В итоге новые технологии обучения и подходы к формированию специалиста в области правоведения, модель профессионального правового воспитания, характер портрета выпускника юридического вуза

и статус работника высшей школы должны выступить узловыми элементами качественного юридического образования и неотъемлемой частью российского правового государства.

Литература

1. Безруков А.В. Реформирование высшего юридического образования в контексте конституционных преобразований в современной России / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 55–60.
2. Лозовский Л.Ш. Словарь по экономике и праву / Л.Ш. Лозовский, Б.А. Райзберг. М. : Омега, 1999. 608 с.
3. Мацкевич И.М. Еще раз об аспирантуре и об аспирантах: научное эссе на заданную тему / И.М. Мацкевич // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 3–8.
4. Сергеев А.Л. Реформа образования в России: проблемы и перспективы / А.Л. Сергеев // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 28–31.
5. Экономический словарь / под ред. А.И. Архипова. М. : ПБОЮЛ М.А. Захаров, 2001. 624 с.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-12-15

Использование конструктора договоров при изучении аграрного права как интерактивный метод обучения

Попова О.В.*

Цель. В статье рассказывается об использовании на практических занятиях по аграрному праву одного из интерактивных методов обучения — конструктора договоров. **Методология:** на основе системного анализа научной литературы и практического опыта автора сделан вывод о необходимости в условиях уменьшения контактной работы со студентом увеличения эффективности самостоятельной работы студентов и интерактивных технологий. **Выводы.** Конструктор договоров рассматривается как один из способов овладения компетенциями применения нормативных правовых актов, реализации норм материального права в профессиональной деятельности и навыками подготовки юридических документов. **Научная и практическая значимость.** Выводы автора могут быть востребованы при преподавании аграрного права и при построении уроков, основанных на методе конструктора договора, для изучения других видов договоров: поставки, подряда и т.п. Данная технология помогает вовлечь студентов в образовательный процесс, вызывает интерес к предмету, оценивается как практически полезная.

Ключевые слова: аграрное право, договор контрактации, конструктор договоров, интерактивный метод обучения, юридическое образование.

Usage of an Agreement Design Wizard in Agrarian Law Study as an Interactive Learning Method

Popova O.V.**

Purpose. The article describes the use of one of the interactive methods of teaching: the constructor of contracts in practical classes on Agrarian Law. **Methodology:** on the basis of the system analysis of scientific literature and practical experience of the author the conclusion about the need to reduce the contact work with the student to increase the efficiency of independent work of students and interactive technologies. **Summary.** The contract designer is considered as one of the ways of mastering the competence of application of normative legal acts, implementation of the norms of substantive law in professional activity and skills of preparation of legal documents. **Scientific and practical significance.** The author's conclusions can be useful in teaching Agricultural Law in the construction of lessons based on the constructor method of treaties for the study of other types of contracts: supplies, contract, etc. This technology helps to engage students in the educational process, is of interest to the subject, is assessed as practically useful.

Keywords: agricultural law, the contract of a sale of agricultural products, the constructor of contracts, the interactive teaching method, legal education.

Конструкторы договоров (шаблонизация) предлагаются в настоящее время во многих автоматизированных информационных системах, например, в России, эту услугу предлагает известная широкому кругу пользователей База данных информационно-правовой информации «КонсультантПлюс».

По мнению специалистов, в юридическом образовании «особую остроту приобрела проблема разрыва знаний и практических навыков по их применению»¹. Кроме того, современному юристу необходимо иметь навыки использования данных технологий. На преодоление этой проблемы и нацелено занятие по методу конструктора договоров.

Конструктор договора может и должен применяться для целей реализации компетентностного подхода наряду с другими активными и интерактивными формами проведения занятий.

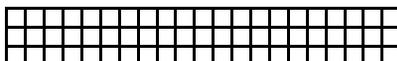
Кроме того, хороший юрист должен уметь критически и творчески использовать предлагаемые шаблоны, ведь не секрет, что юридическая профессия под угрозой в связи с внедрением в практику роботов-юристов, использованием «умных контрактов» и т.п., поэтому использование конструкторов договоров предлагается в несколько усложненной форме, когда кроме навыка составления договора из соответствующих пазлов необходимо научиться отстаивать интересы своего клиента, аргументировать свою позицию партнеру-контрагенту.

На своих занятиях по аграрному праву я предлагаю студентам обучающий квест по заключению договора контрактации.

¹ Фадеев В.И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 31–36.

* **ПОПОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА**, доцент кафедры предпринимательского права Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта, кандидат юридических наук, volodina1973@mail.ru

** **POPOVA OLGA V.**, Assistant Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Candidate of Legal Sciences

ции. Квест рассматривается мной как игра, в которой студент пошагово продвигается по сюжету, выполняя правовые и логические задания и взаимодействуя с другими участниками.

Одна из компетенций, установленная в рабочей программе «Аграрного права», — это способность применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности. Еще одна заключается в навыке подготовки юридических документов. Полагаю, что указанные компетенции останутся в стандарте по юриспруденции для бакалавров даже после его обновления.

Можно согласиться с преподавателями, которые считают, что при использовании компетентного подхода «выпускник после окончания вуза будет подготовлен к решению задач своей профессиональной деятельности, а также научится аргументировать и защищать свою точку зрения»². По крайней мере, компетентный подход нацелен именно на данный результат обучения.

Таким образом, на данном конкретном занятии, посвященном правовой характеристике договора контрактации, студент должен узнать содержание понятия договора контрактации и его существенные условия, выработать умение принимать решения, связанные с защитой сельскохозяйственного товаропроизводителя, овладеть навыками подготовки юридических документов: договора контрактации, протокола разногласий.

Цели занятия:

- 1) получить знания о существенных и необходимых условиях договора контрактации;
- 2) выработка умения выбирать нужную форму договора и ограничивать договор контрактации от похожих договоров;
- 3) выработка умения формулировки предмета договора контрактации;
- 4) отработка навыка структурирования договора;
- 5) выработка умения ведения переговоров и их фиксации.

Ожидаемые результаты:

- студенты получат знания о договоре контрактации путем сравнительного анализа с аналогичными договорами;
- студенты разовьют умения по формулировке предмета договора контрактации;
- студенты получат навыки структурирования договора;
- студенты получат навыки переговоров.

Подготовкой к занятию должна служить лекция преподавателя о контрактации в составе темы о правовом регулировании рынка сельскохозяйственной продукции. Таким образом, достигается сочетание традиционного подхода и инновационного, которое рассматривается специалистами в качестве «оптимального пути формирования компетенций»³.

К началу занятия должны быть подготовлены тексты условий договоров в электронном виде без нумерации. Тексты условий и подзаголовки должны быть расположены последовательно. Кроме того, тексты условий должны быть вариативны. Например:

«Продукция, передаваемая по договору, должна по качеству соответствовать требованиям: высший сорт, содержание сухих веществ в клубнях не должно быть ниже 20%, редуцирующих сахаров — не более 0,3%, клубни выровнены, правильной овальной формы, с неглубоким залеганием глазков, меньший диаметр каждого клубня — 6–7 см»;

«Продукция, передаваемая по договору, должна по качеству соответствовать требованиям сорта „Снегирь“».

Преподаватель может использовать меньший или больший объем до 4–5 вариантов условий. Вариативность должна быть оправдана, в том числе должна заставить задуматься о том, какой вариант будет выгоднее для стороны, заключающей договор.

Исходя из опыта, данные условия договоров должны быть представлены до проведения контактного занятия.

Предлагаемая фабула сделки: крестьянское (фермерское) хозяйство «Своя картошка в Калининградской области» занимается производством картофеля и других корнеплодов. Менеджеры договорного отдела ПАО «Картошечка» предложили главе КФХ заключить договор на поставку 10 т картофеля 15 ноября 2018 г. ПАО «Картошечка» предлагает доставить товар до склада в Подмосковье. Продукция должна соответствовать следующим требованиям: для поставки выбирается сорт «Снегирь». Картофель должен быть поставлен высшего сорта. Содержание сухих веществ в клубнях не должно быть ниже 20%, редуцирующих сахаров — не более 0,3%. Клубни должны быть выровнены, правильной овальной формы, с неглубоким залеганием глазков, меньший диаметр каждого клубня — 6–7 см. При выращивании картофеля не должна быть использована гербицидная технология возделывания. Картофель должен быть без парши и повреждений. Стоимость 1 т — 43 490 руб. Продукция в обязательном порядке сопровождается карантинным сертификатом.

Фабула может быть иной, главное, чтобы из задания следовала возможность заключения обозначенного в теме занятия договора. В нашем случае — договора контрактации.

Кроме того, необходимо представить правовую и иную информацию, связанную с фабулой задания: выписку из Гражданского кодекса РФ о селекционных достижениях; выписку из Налогового кодекса РФ о ставках налога на добавленную стоимость и едином сельскохозяйственном налоге; ссылку на законодательство о техническом регулировании; ссылку на законодательство о карантине растений; ссылку на информацию о подкарантинных территориях в области; информацию для сведения о стоимости картофеля в предыдущем году, о сроках уборки картофеля в районе, о сроках годности овощной продукции и порядке ее хранения.

В данной части занятия преподавателю уместно сделать некоторое напутствие о том, что при подготовке договора

² Андропова Т.А., Тарасенко О.А. Активные и интерактивные формы проведения занятий для бакалавров и магистров // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 33–37.

³ Тимофеева А.А. Компетентный подход в преподавании юридических дисциплин: опыт и проблемы реализации // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 12–14.

надо вспомнить о нормах ответственности, которая предусмотрена для сторон договора контрактации, необходимо использовать знания о существенных условиях договора, порядке расчетов, расторжении и изменении договора, знания из налогового права о порядке уплаты НДС, посмотреть материалы о необходимости сертификации продукции и др.

Важно, чтобы студент заинтересовался указанной информацией, сам себе задал вопрос: зачем она? Как говорят преподаватели, «учить студентов учиться»⁴.

Студенты разделяются на «двойки». Каждая «двойка» получает задание по подготовке договора контрактации из предлагаемых пазлов — условий договоров. Если категорически не хватает какого-то условия, студенты могут сформулировать и вписать его в текст договора, составленный из пазлов.

Нельзя сказать, что коэффициент полезного действия будет одинаково высок у всех студентов, но в ряде случаев наблюдается и «отложенный старт» воздействия информации, т.е. когда студент уже на следующем этапе занятия обращает внимание на то, что надо было учесть при составлении договора.

Для следующего этапа данного занятия необходим компьютерный класс.

Порядок проведения занятия следующий.

После составления договора преподаватель должен спросить у студентов: для кого они составляли договор: для фермера или для корпорации? Так как на данном этапе студенты, как правило, не задумываются об этом. Затем «двойкам» назначаются роли заготовителей и производителей.

Пары «двоек» обмениваются составленными договорами. Каждая «двойка» должна проанализировать чужой договор, найти там неприемлемые, рискованные, неблагоприятные для себя согласно назначенной роли (заготовителя или производителя) позиции и написать протокол разногласий с аргументацией.

Преподаватель еще раз обращает внимание на приложения к тексту занятия. Могут быть приложены и другие материалы, студент должен понимать то, что при заключении договора необходимо учитывать множество факторов и рисков, подумать о том, за чей счет будут осуществлены транспортировка, хранение скоропортящейся продукции, о необходимости отражения в договоре вопросов налогообложения (НДС, таможенных пошлин, использования специальных режимов) и т.п. То есть студенты могут и должны обсудить в своей группе все вопросы, какие смогут вспомнить из пройденного материала, взаимодействуя и участь друг у друга. И в этом заключается основная интерактивная часть.

Результатом обсуждения должно стать оформление протокола разногласий. Форма протокола разногласий к проекту договора может быть приложена.

Следующая задача состоит в необходимости обсудить протокол разногласий с противоположной стороной (с другой «двойкой») и прийти к согласию. Преподаватель предлагает для решения этой задачи один договор и протокол раз-

ногласий к нему. И студенты понимают, что они должны определить условия, с которыми не может согласиться их клиент, которые ущемляют права их клиента, но с другой стороны, все же для обеих сторон, которые в игре представляют «двойки» студентов, важно заключение договора.

В данной ситуации, на мой взгляд, тоже как и «в процессе апробированной многолетней практики сдачи зачетов и экзаменов полнее и всестороннее раскрываются как профессиональные знания, так и умение логически мыслить, оперативно выбирать тактику выстраивания своего ответа, доказывать верность своей позиции в нестандартных, часто эмоционально напряженных ситуациях»⁵, что является важными компетенциями для юриста.

Последний этап, конечно же, рефлексия. Преподаватель должен спросить у студентов: что нового узнали, сможете ли вы помочь заключить договор контрактации фермеру или заготовителю? (Табл. 1.)

Таблица 1

План занятия

№	Часть занятия, применяемый метод обучения, его содержание	Отводимое время
1	Преподаватель сообщает цель занятия и ожидаемые результаты, обозначает актуальность заявленной темы и т.п. Распределяет группы	5 мин.
2	Студентам выделяется время на подготовку окончательного текста договора	10 мин.
3	После составления договора двойкам назначается роль заготовителей и производителей	3 мин.
4	Стороны обмениваются составленными договорами. Каждая группа должна проанализировать чужой договор, найти там неприемлемые, рискованные, неблагоприятные для себя позиции. Ранжировать их. Написать протокол разногласий с аргументацией	30 мин.
5	Стороны пересаживаются: группа заготовителей с группой производителей	2 мин.
6	Проводится обсуждение условий договора с противоположной стороной. Стороны должны прийти к согласию или отказаться от заключения сделки	20 мин.
7	Подведение итогов занятия. Рефлексия. Преподаватель спрашивает: кто договорился, какие были спорные условия, на какие уступки пошли, что согласовали, что нового узнали, что было полезно в занятии?	10 мин.
Всего		1 ч. 20 мин.

Последний этап, который необходим, — это оценивание работы студента. Основные цели данного занятия, конечно, связаны со знаниями о договоре контрактации и умением составлять из подготовленных условий такой договор. Но отстаивание позиций своего «клиента» добавляет динамику занятию, и данный навык тоже должен быть заявлен в качестве критерия для оценивания.

Можно предложить следующую шкалу для оценивания (табл. 2).

⁴ Гришин С.П., Зинченко И.А. Задача — научить студентов учиться // Юридическое образование и наука. 2012. № 2. С. 9–12.

⁵ Цалиев А.М. О совершенствовании профессиональной подготовки студентов юридических учебных заведений // Юридическое образование и наука. 2014. № 1. С. 21–24.

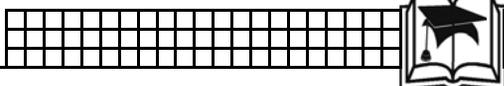

Таблица 2

Критерий	Описание
Знания об условиях договора и отражение их в договоре	Отличная работа (от 5 до 4 баллов): — студент указал в договоре не только существенные, но и необходимые условия договора контрактации
	Удовлетворительная работа (от 3 до 2 баллов): — студент указал в договоре только существенные в соответствии с законом условия договора контрактации
	Неудовлетворительная работа (от 1 до 0 баллов): — студент пропустил даже существенные в соответствии с законом условия договора
Использование риск-ориентированного подхода * Риски могут быть любыми, связанными с доставкой, хранением, либо налоговыми или административными	Отличная работа (от 5 до 4 баллов): — студент видит риски для своего клиента в «чужом» договоре и может проранжировать их степень
	Удовлетворительная работа (от 3 до 2 баллов): — студент смог выявить некоторые риски в «чужом» договоре
	Неудовлетворительная работа (от 1 до 0 баллов): — студент не смог выявить никаких рисков в «чужом» договоре
Умение идти на компромисс, при этом максимально отстаивая интересы своего клиента	Отличная работа: — студент может идти на компромисс, отстаивая важные интересы своего доверителя
	Удовлетворительная работа: — студент не идет на компромисс; — студент не может определить наиболее важные интересы своего клиента
	Неудовлетворительная работа: — студент не понял своей задачи

Литература

1. Андропова Т.А. Активные и интерактивные формы проведения занятий для бакалавров и магистров / Т.А. Андропова, О.А. Тарасенко // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 33–37.
2. Тимофеева А.А. Компетентностный подход в преподавании юридических дисциплин: опыт и проблемы реализации / А.А. Тимофеева // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 12–14.
3. Фадеев В.И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования / В.И. Фадеев // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 31–36.
4. Цалиев А.М. О совершенствовании профессиональной подготовки студентов юридических учебных заведений / А.М. Цалиев // Юридическое образование и наука. 2014. № 1. С. 21–24.

References

1. Andronova T.A. Aktivny'e i interaktivny'e formy' provedeniya zanyatiy dlya bakalavrov i magistrrov [Active and Interactive Forms of Classes for Bachelor and Master Students] / T.A. Andronova, O.A. Tarasenko // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2013. № 2. S. 33–37.
2. Timofeeva A.A. Kompetentnostny'y podkhod v prepodavanii yuridicheskikh distsiplin: opyt i problemy' realizatsii [Competency-Based Approach to Teaching Legal Courses: Experience and Implementation Issues] / A.A. Timofeeva // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2015. № 2. S. 12–14.
3. Fadeev V.I. O novy'kh podkhodakh k prepodavaniiu konstitutsionnogo i munitsipalnogo prava v usloviyakh urovnevnogo obrazovaniya [On New Approaches to Teaching Constitutional and Municipal Law in Conditions of Level-Based Education] / V.I. Fadeev // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2013. № 4. S. 31–36.
4. Tsaliev A.M. O sovershenstvovanii professionalnoy podgotovki studentov yuridicheskikh uchebny'kh zavedeniy [On Improvement of Professional Training of Students of Legal Educational Institutions] / A.M. Tsaliev // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2014. № 1. S. 21–24.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-16-19

Анкетирование студентов как неотъемлемый элемент объективной оценки качества образовательного процесса в вузе

Воротилина Т.В.*

Цель. Актуальность научного обращения к проблемам качества образования вообще и высшего образования, в частности, имеет существенное значение для всех субъектов образовательного процесса. Конечный результат и достижение целей образования напрямую зависят от расширения критериев и подходов к объективному оцениванию качества деятельности педагога, а впоследствии — к совершенствованию им воспитательно-образовательно-методической составляющей своей работы. Новизна проведенного исследования заключается в анализе качества образовательного процесса с учетом мнения обучающихся как непосредственных участников этого процесса. **Методология:** методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания действительности, а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания; особенно широко применялась методология конкретных социальных правовых исследований (наблюдение, анкетирование, анализ письменных источников, методы обобщения информации и другие). **Выводы.** Результаты исследования показали, что анкетирование студентов является необходимым структурным элементом системы объективной оценки качества образования в вузе, который следует использовать с определенной периодичностью, совершенствуя методику опроса и соблюдая морально-этические нормы при отборе показателей и шкалы оценивания. Мониторинг качества вузовского образования через анкетирование обучающихся требует научного подхода и в целом влияет на эффективность образования. **Научная и практическая значимость.** Выводы могут быть использованы для создания и модернизации локальных нормативных актов высших учебных заведений, а также при проведении комплексных исследований проблем качества высшего юридического образования и путей его повышения.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, качество образования, анкетирование студентов, объективная оценка качества образования.

Polling Students as an Integral Element of Objective Assessment of the Quality of the Educational Process in a Higher Educational Institution

Vorotilina T.V.**

Purpose. The relevance of the scientific appeal to the problems of the quality of education in general and higher education in particular is essential for all subjects of the educational process. The final result and the achievement of the goals of education directly depend on the expansion of the criteria and approaches to an objective assessment of the quality of the teacher's activity, and, in consequence, to improving his educational and methodological component of his work. The novelty of the study lies in the analysis of the quality of the educational process taking into account the views of students as direct participants in this process. **Methods:** the methodological basis of research is the dialectical method of cognition of reality, as well as a set of general scientific and private scientific methods of cognition; especially widely is used the methodology of specific social legal studies (observation, questionnaires, analysis of written sources, and methods of summarizing information, etc.). **Results.** The results of the research showed that the questioning of students is a necessary structural element of objective assessment system of education's quality in the university, which should be used with a certain frequency, improving the survey methodology and respecting the moral and ethical standards in selecting indicators and scoring. Monitoring the quality of higher education through questioning students requires a scientific approach and generally affects the effectiveness of education. **Scientific and practical significance.** Conclusions can be used to create and upgrade local normative acts of higher education institutions, as well as conducting comprehensive studies of the quality of higher legal education and ways of its increase.

Keywords: higher legal education, quality of education, questioning students, an objective assessment of the quality of education.

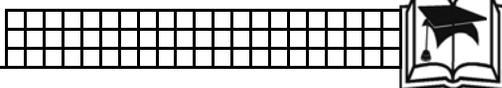
В последние 10–20 лет в связи с масштабными преобразованиями, модернизацией образовательной сферы в государственных органах, формирующих образовательную политику и осуществляющих контроль в образовании, в научной, педагогической среде наблюдается некий бум в обсуждении вопросов, связанных с повышением качества об-

разования, введением и совершенствованием объективных оценок этого качества.

Обратимся к легальному определению термина «качество образования». Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон № 273-ФЗ) определяют, что это «комплексная

* **ВОРОТИЛИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА**, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, vorotilina@mail.ru

** **VOROTILINA TATYANA V.**, Assistant Professor of the Department of Legal Culture and Human Right Protection of the North Caucasian Federal University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»¹. Исходя из вышеприведенной формулировки закона, можно сделать вывод о том, что если степень соответствия ФГОС и степень достижения планируемых результатов ОП можно проверить по требованиям самого стандарта (как правило, здесь речь идет о сформированности необходимого набора компетенций выпускника), то соответствие потребностям потребителей образовательных услуг, на наш взгляд, — весьма субъективный критерий, так как потребности могут быть различными. У обучающегося, например, могут быть индивидуальные потребности, связанные с желанием стать высококвалифицированным, высокооплачиваемым, востребованным специалистом с высшим образованием, а может быть просто желание получить документ об образовании и не более того. У работодателя потребности, как правило, связаны с необходимостью привлечения работников с необходимым набором знаний, умений, навыков в профессиональной сфере. В конечном итоге потребности разных субъектов могут и совпадать, но закон не устанавливает критерии и методику их оценки. Отсюда следует, что образовательные организации сами должны быть заинтересованы в поиске путей объективной оценки качества оказываемых образовательных услуг, а впоследствии — в совершенствовании образовательной деятельности.

Особую актуальность проблема качества образования получила на уровне профессионального образования в целом и юридического образования, в частности. Статья 10 Закона № 273-ФЗ устанавливает различные уровни высшего образования: бакалавриат; специалитет, магистратура; подготовка кадров высшей квалификации. Концептуально и содержательно неверным, по нашему мнению, является объединение на одном уровне специалитета и магистратуры. Не только по количеству лет обучения, количеству получаемых зачетных единиц, количеству экзаменационных сессий, но и по сути двух, по сути, дополняемых ступеней высшего образования. Не до конца продуманный, без глубокого научного анализа последствий переход на многоуровневую систему подготовки кадров высшей школой пагубно сказался в первую очередь на результате образовательной деятельности — качестве образования. «Болонский процесс» в России привел не к отработанной столетиями в Европе двухуровневой подготовке (бакалавриат — магистратура), а к некоторому подобию слоеного пирога с многоуровневой системой подготовки кадров «бакалавриат — магистратура — аспирантура»

и оставшейся по некоторым специальностям ступенью «специалитет». При этом нет четкого соответствия друг другу друг и последовательности названных уровней, а главное, отсутствует сомнительная востребованность на рынке труда бакалавров-юристов, особенно в условиях отсутствия профессионального стандарта. Получается, что, учитывая конечный результат образованности, на один уровень нельзя ставить как ступени бакалавриат — специалитет, так и специалитет — магистратура. А что означают квалификации «бакалавр», «специалист», «магистр» для работодателя? В юридической профессии возникает много вопросов, квалификация «юрист» более понятна всем субъектам трудовых и служебных правоотношений.

Актуальность и появление проблемы качества образования как таковой на уровне высшего образования объясняется, на наш взгляд, многими факторами, как объективными (информатизация всех сфер жизни общества, в том числе активное внедрение IT-технологий в образование, коммерциализация высшего образования, приоритет «оказанию образовательных услуг», а не воспитанию и обучению, сокращение бюджетных мест и другие), так и субъективными («кадровый голод» в вузах, перераспределение рабочего времени педагога в пользу безумных масштабов рутинной работы по бесконечному переписыванию учебно-методической документации, снижение академических требований к обучающимся и пр.)².

При комплексном и многостороннем подходе к вопросам качества образования отечественными исследователями чаще всего детально анализируются различные аспекты эффективности применяемых педагогами методик и форм обучения, вопросы интеграции науки и образования, проблемы вхождения российских вузов в международные рейтинги, реальность академической мобильности преподавателей и студентов, роль работодателей в формировании образовательных программ, востребованность выпускников вузов на рынке труда, уровень профессиональной подготовки самих преподавателей, а также проблемы оценивания знаний обучающихся, анализируются формы и виды контроля, дискутируется проблема эффективности использования тестов при проведении текущей, промежуточной и итоговой аттестации студентов, целесообразность использования IT-технологий при таком контроле³.

Ученые справедливо отмечают, что «понятие „качество образования“ относится и к результату»⁴ (образованности), и к самому образовательному процессу.

² См. подр.: Воротилина Т.В. Проблемы и пути повышения качества высшего юридического образования // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 8–11.

³ Наумкина В.В. К вопросу о качестве юридического образования в России // Юридическое образование и наука. 2017. № 7. С. 14–17; Боташева Л.Э., Воротилина Т.В., Попова Л.А., Першина Е.А. Влияние унификации образовательных стандартов на расширение возможностей академической мобильности студентов // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 86–89; и др.

⁴ URL: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm (дата обращения: 02.04.2018).

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В рамках данной статьи мы рассмотрим только некоторые аспекты объективной оценки качества образовательного процесса в вузе через призму мнения обучающихся как непосредственных субъектов такого процесса. Объектом оценки в нашем исследовании является преподавательская деятельность как целенаправленный, системный воспитательно-образовательно-методический процесс. Цель нашего исследования — анализ мнений обучающихся, выявление проблем и выработка предложений по совершенствованию содержания, организации и качества образовательного процесса и образовательной деятельности педагога в этом процессе.

Следует отметить, что не все вузы реально систематически проводят анкетирование преподавателей и студентов по вопросам обозначенной нами тематики. Определенную дискуссию в педагогической среде вызывает целесообразность проведения опросов обучающихся в виде анкет «Мнение студента», «Преподаватель глазами студентов» и пр. Это связано со многими факторами, в том числе с соблюдением морально-этических норм в отборе показателей, скептическим отношением к объективности результатов таких опросов.

В рамках данного исследования нами было опрошено 98 студентов очной формы обучения юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» 3–4 курсов бакалавриата (46 человек) и 2 курса магистратуры (52 человека). Старшекурсники в качестве респондентов были выбраны отнюдь не случайно. Считаем, что к окончанию обучения студенты имеют более четкое представление о «нужности» и качестве получаемых знаний, умений и навыков для дальнейшей профессиональной деятельности, чем обучающиеся на первом курсе.

Анкетирование не носило официального характера, проводилось по инициативе автора данной статьи, было абсолютно анонимным. Для соблюдения этических норм и принципов при оценивании деятельности преподавателя из персонализирующих признаков указывались только его примерный возраст (допенсионный или пенсионный) и ученая степень (если имеется). При оценивании применялась пятибалльная шкала: 5 — «очень хорошо», 4 — «хорошо», 3 — «удовлетворительно», 2 — «плохо», 1 — «очень плохо».

Оценке были подвержены следующие критерии: информативность учебного материала по изученной дисциплине; качество ее информационно-методического оснащения, использование дистанционных средств общения преподавателя со студентами во внеаудиторное время через электронную почту, форумы, чаты; качество лекционной работы преподавателя; ясность, структурированность и визуализация учебного материала; уровень общения преподавателя со студентами в ходе преподавания дисциплины, использование им активных и интерактивных методов; система оценки успеваемости студентов, применяемая преподавателем; требовательность, объективность, справедливость в системе контроля преподавателя; «полезность» дисциплины; доступность, понятность изложения учебного материала. Респонденты указывали также свою

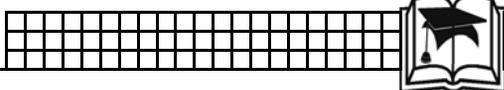
оценку в зачетной книжке по предмету, который вел преподаватель, чья деятельность оценивалась студентом. Таким образом, рассматривались только дисциплины, которые к моменту проведения анкетирования студенты уже изучили.

Перед проведением анкетирования нами были сформулированы три гипотезы. Первая о том, что обучающиеся будут выставять высокие оценки тем преподавателям, которые высоко оценили успехи и достижения студентов, и, соответственно, низкие тем педагогам, которые, по мнению студентов, «занизили» эти показатели. По принципу «ты — мне, я — тебе» или «кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку». Во второй гипотезе мы предположили, что результаты будут несколько завышены по этическим причинам. Более половины обучающихся нашего вуза — представители кавказских народов, где, к счастью, еще сохранилось в полной мере воспитание в духе уважения к педагогу и к человеку старшего возраста. Третья гипотеза касалась низкой оценки работы преподавателей пенсионного возраста по критерию «качество информационно-методического оснащения дисциплины, использование дистанционных средств общения преподавателя со студентами во внеаудиторное время через электронную почту, форумы, чаты».

К нашему удивлению 78,3% опрошенных бакалавров и 42,3% магистров по тем или иным критериям деятельности преподавателей отметили оценки «плохо» или «очень плохо», что в целом подтверждает объективность полученных результатов. Причем из данных респондентов 50% бакалавров и 27,3% магистров включили в «черный список» не менее одной трети преподавателей, т.е. практически каждому третьему педагогу по тем или иным основаниям были выставлены невысокие оценки. Скорее всего, разрыв мнений обучающихся разных уровней высшего образования связан с тем, что бакалавры еще не столкнулись с практической профессиональной работой; многие из них еще в целом не осознают значимость высшего образования как такового, ведь всю свою сознательную жизнь они учатся фактически без права выбора — «учиться или не учиться»; у кого-то не оправдались ожидания по поводу выбора будущей профессии; в этом возрасте еще резко проявляется юношеский максимализм. Магистры же, как правило, уже работают, они более мотивированы на получение профессиональных знаний, умений и навыков, они ценят в образовательном процессе прикладной аспект.

Четкая зависимость ответов респондентов от оценки в студенческой зачетной книжке явно проявилась только в 22,2% анкетах бакалавров, у магистров вообще такая зависимость отсутствует. По ответам остальных опрошенных никак нельзя связать ни с «благодарностью», ни с «местью» результаты их отметок и баллы, выставляемые деятельности профессорско-преподавательского состава. Отсюда мы также приходим к выводу о том, что результаты проведенного анкетирования действительно носят объективный характер.

Наше предположение о том, что работа преподавателей пенсионного возраста будут невысоко оценена по критерию

«качество информационно-методического оснащения дисциплины, использование дистанционных средств общения преподавателя со студентами во внеаудиторное время через электронную почту, форумы, чаты», также не подтвердилось. Несмотря на то что респонденты именно этот критерий из перечня всех остальных чаще всего оценивали на «плохо» или «очень плохо» (частота такого оценивания данного критерия в целом составила 15,8%), негативная оценка в данном случае присутствует в отношении работы 56,1% педагогов не пенсионного возраста, а соответственно, у преподавателей старшего поколения этот показатель ниже — 43,9%.

В ходе анализа результатов опроса мы пришли к следующим выводам:

1. Ни одна выдвинутая нами перед проведением анкетирования студентов гипотеза не подтвердилась. Предположение о том, что студенты из уважения к профессорско-преподавательскому составу не будут оценивать работу педагогов по различным критериям на «плохо» или «очень плохо», не подтвердилось. Чаще всего критически к деятельности педагогов относились бакалавры;

2. При объективном оценивании работы преподавателей обучающимися не наблюдается прямой зависимости от выставленной педагогами оценки в зачетной книжке;

3. Полезность и систематическая необходимость анкетирования обучающихся для совершенствования содержания, организации и повышения качества образовательного процесса очевидны. Оно помогает выявить слабые стороны преподавательской работы, наметить цели и задачи для дальнейшей эффективной работы.

В связи с вышесказанным предлагаем вузам активизировать работу по внутреннему мониторингу качества образовательного процесса через периодическое (не менее одного раза в учебный год) анкетирование обучающихся с последующим анализом результатов и корректировкой воспитательно-образовательно-методической деятельности педагогов. Считаем также целесообразным разработку примерного перечня вопросов для подобных анкет в рамках совершенствования общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО)⁵.

⁵ Впервые о создании данной системы было упомянуто в письме Рособнадзора от 16 мая 2005 г. № 01-203/08-01. Материалы межрегионального семинара «Построение общероссийской системы оценки качества образования», проведенного 28 апреля 2005 г. на базе Московского государственного открытого университета. URL: http://www.gas01.minobr.ru/oko/oko_fed.html (дата обращения: 02.04.2018).

Литература

1. Боташева Л.Э. Влияние унификации образовательных стандартов на расширение возможностей академической мобильности студентов / Л.Э. Боташева, Т.В. Воротилина, Л.А. Попова, Е.А. Першина // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 86–89.
2. Воротилина Т.В. Проблемы и пути повышения качества высшего юридического образования / Т.В. Воротилина // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 8–11.
3. Наумкина В.В. К вопросу о качестве юридического образования в России / В.В. Наумкина // Юридическое образование и наука. 2017. № 7. С. 14–17.

References

1. Botasheva L.E. Vliyaniye unifikatsii obrazovatelny'kh standartov na rasshireniye vozmozhnostey akademicheskoy mobilnosti studentov [Influence of Educational Standard Unification on Broadening the Opportunities of Academic Mobility of Students] / L.E. Botasheva, T.V. Vorotilina, L.A. Popova, E.A. Pershina // *Probel'y v rossiyskom zakonodatel'stve* — Gaps in the Russian Laws. 2016. № 7. S. 86–89.
2. Vorotilina T.V. Problemy i puti pov'y'sheniya kachestva vy'sshego yuridicheskogo obrazovaniya [Issues and Ways to Increase the Quality of Higher Legal Education] / T.V. Vorotilina // «Chernyye dy'ry» v Rossiyskom Zakonodatel'stve — “Black Holes” in the Russian Laws. 2016. № 5. S. 8–11.
3. Naumkina V.V. K voprosu o kachestve yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii [On the Quality of Russian Legal Education] / V.V. Naumkina // *Yuridicheskoye obrazovanie i nauka* — Legal Education and Science. 2017. № 7. S. 14–17.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-20-24

Взаимовлияние маргинальности и преступности на современном этапе развития общества

Плешаков В.А.*

Цель. Современное состояние преступности и ее изменение во времени показывают, что наряду с достаточно длительным общим снижением показателей всей преступности и ее наиболее опасных видов существенно возрастает доля преступлений, связанных с такими маргинальными проявлениями, как увеличение доли преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического возбуждения, доля рецидива достигла 50%, свыше 60% преступников не имеют постоянного источника дохода, поэтому появилась потребность разобраться в этих негативных проявлениях преступности. **Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод. **Выводы.** Во-первых, фиксируемое за последние 11 лет снижение преступности не отражает реальной криминальной картины и может вводить в заблуждение как исследователей, так и практических работников. Во-вторых, дальнейшее усиление маргинальных проявлений в преступности является существенной угрозой населению с точки зрения повседневных угроз криминальных посягательств. В-третьих, непринятие мер, снижающих интенсивность таких проявлений, приведет к значительному росту не только преступных, но и наиболее тяжких административных правонарушений. В-четвертых, применяемое в настоящее время уголовно-правовое воздействие на лиц, ведущих маргинальный образ жизни и совершивших преступление, не дает необходимого эффекта исправления, а часто усугубляет положение таких лиц. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволяет дополнить и усовершенствовать методы борьбы с проявлениями маргинальности в преступности. Используя опыт нашей страны и других стран, разработать более конструктивное, в том числе и правовое, воздействие на лиц, нежелающих соблюдать нормы общественного порядка, постоянно угрожая безопасности окружающего населения. Выводы данного исследования могут быть использованы при создании нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы института криминологической защиты частной жизни и обеспечения национальной безопасности, а также применяться в учебном процессе при подготовке специалистов в области профилактики правонарушений.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальные проявления, криминальная маргинальность, преступления на почве пьянства и алкоголизма, на почве наркомании, повторная преступность.

Interrelation between Marginality and Crime on the Modern Society Development Stage

Pleshakov V.A.**

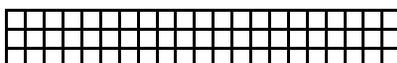
Purpose. The current condition of criminality and its change over time shows that along with a fairly long overall decline in the indices of all criminality and its most dangerous types, the share of crimes associated with such marginal demonstrations like crimes committed in a state of alcohol and drug abuse is increasing substantially. The share of recidivism reached 50%, over 60% of criminals do not have a permanent source of income, so there was a need to understand these negative trends of the criminality. **Methodology:** dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method. **Conclusions.** First, the crime reduction recorded over the past 11 years does not reflect a real criminal picture and can be misleading both researchers and practitioners. Secondly, further strengthening of marginal demonstrations in criminality is a significant threat to the population from the point of view of everyday threats of criminal encroachments. Third, the failure to take measures that reduce the intensity of such demonstrations will lead to a significant increase in not only criminal, but also the most serious administrative offenses. Fourthly, the current criminal law impact on persons who have a marginalized lifestyle and committed a crime does not give the necessary effect of correction, but often exacerbates the problem. **Scientific and practical significance.** The conducted research allows to supplement and improve control methods of demonstrations of marginality in crime. Using the experience of our country and other countries to develop a more constructive impact on those who do not want to comply with the norms of public order, constantly threatening the security of the surrounding population. Consequences of this study can be used to create legal acts that regulate the issues of the institution of criminological protection of private life and ensure national security, as well as to be applied in the educational process when training specialists in the field of crime prevention.

Keywords: marginality, marginal effects, criminal marginality, drunkenness related crimes, drug addiction related crimes, recidivism.

Взаимовлияние маргинальности и преступности проявлялось практически всегда, но понятие «маргинальность» появилось сравнительно недавно. При этом понятие «маргинальность» исторически носило социологическую основу, а

* ПЛЕШАКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, vapleshakov@yandex.ru

** PLESHAKOV VLADIMIR A., Chief Research Scientist of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

явление маргинальности изучалось в рамках науки социологии. История этого термина, но не явления берет свое начало в 1928 г., когда американский социолог Роберт Эзра Парк (1864–1944) в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек»¹ впервые ввел это понятие и раскрыл его содержание применительно к процессам в среде иммигрантов. Понятие маргинальности (от лат. *margo* — край, граница, предел) в этом эссе означало положение людей, испытывающих на себе влияние конфликтующих между собой культур, и служило основой для анализа результата неадаптированности мигрантов. На еще более ранних этапах термин «маргинальный» употреблялся для обозначения записей, пометок на полях. Таким образом, никакой связи с преступными проявлениями он не имел. Однако в современной трактовке маргинальность понимают достаточно широко. Авторы, занимающиеся этой проблемой, выделяют следующие три измерения процесса маргинализации:

— *экономическое* — маргинализация как «относительная депривация», отстранение от деятельности и потребления;

— *политическое* — поражение в гражданских/политических правах (*de facto* или *de jure*), лишение права выборов; отстранение от участия в обычной политической деятельности и от доступа к формальному политическому влиянию;

— *социальное* — маргинализация как потеря общественного престижа: деклассирование, стигматизация («*Verachtung*») и т.п. маргинальных групп².

Последнее социальное измерение и включает в себя наиболее социально-негативное значение маргинального образа жизни, а именно совершение преступлений маргинальными элементами. В российской криминологии именно этот аспект оставался главным и единственным в понимании маргинальной среды: «Это социально-неустойчивая деклассированная и полудеклассированная социальная группа, как правило, включающая тунеядцев, бродяг, алкоголиков, наркоманов, социально не адаптировавшихся субъектов с уголовным прошлым, которые значительно осложняют криминологическую обстановку»³.

Наиболее активно проблема взаимосвязи маргинальности и преступности исследовалась в 1980–1990-х годах, особенно в период действия УК 1960 г., в котором (ст. 209) предусматривалась уголовная ответственность за систематическое бродяжничество и тунеядство. Санкцией за данное преступление предусматривалось достаточно суровое наказание — до двух лет лишения свободы либо выселение в спе-

циально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет с конфискацией имущества, наймного нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту жительства. Данная статья была введена в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни».

Причем и в царской России бродяжничество также считалось уголовным преступлением. Виновных наказывали четырьмя годами исправительных работ либо ссылкой в Сибирь. Бездомных же стариков и инвалидов помещали в дома призрения.

Статья 209 УК СССР, предусматривавшая наказание за бродяжничество и попрошайничество, была отменена в 1992 г. При этом необходимо отметить, что ст. 209 в советские времена активно использовали в том числе и для борьбы с инакомыслящими.

В СССР в системе органов внутренних дел существовали приемники-распределители для бродяг и попрошаек. Однако в соответствии с Указом Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» приемники-распределители ОВД для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество, должны были быть реорганизованы в центры социальной реабилитации (ЦСР), создаваемые органами исполнительной власти субъектов РФ. Задержанных за бродяжничество и попрошайничество лиц помещали в ЦСР для оказания им социальной, медицинской и иной помощи. Поскольку после этого правовой основы реального воздействия на бродяг и попрошаек не стало, то и «борьба» с ними значительно усложнилась. Если раньше сотрудники органов внутренних дел могли отвозить их в приемники-распределители, то после изменения законодательства поместить бродяг в приют можно только с их согласия или по решению суда. Сразу после такой гуманизации законодательства метро и улицы столицы и других городов заполнили попрошайки всех мастей. Это приняло такие масштабы, что пришлось срочно огораживать вокзалы и выставлять на них милицейские посты. Попрошайничество стало эксплуатироваться организованными преступными группировками, которые начали их «крышевать» либо «выводили» это явление на профессиональную основу, специально создавая группы «инвалидов», «жертв» войн в горячих точках и прочих лиц, изображающих таковых, для сбора добровольных пожертвований. И такой бизнес «на жалости» приносил немалую выгоду.

По сведениям ГУВД Москвы, на конец 1995 г. в столице было до 300 тыс. бездомных. Изучению их образа жизни и социальной организации было посвящено исследование «Москва, 1993–1995 гг.», проведенное ВЦИОМом. Авторы использовали углубленные биографические интервью, анализ дел в московском спецприемнике для лиц без определенного места жительства⁴.

⁴ Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8.

¹ Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33. No. 6. P. 881–893.

² Raban C. Marginalisierung und Wohlfahrtsstaat — von der theorie zur Praxis // *Marginalisierung im Sozialstaat. Beiträge aus Großbritannien und der Bundesrepublik* / F. Blahusch, G. Gekeler, M. Mitchel, C. Raban. Verlag Arbeiterbewegung Und Gessellschaft. Marburg, 1986. S. 9.

³ Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с нею. М., 1990. С. 9.

По данным департамента соцзащиты, на улицах Москвы в 2013 г. жили около 10–12 тыс. бродяг, две трети из них имели прописку и жилье, в основном в других регионах. Поэтому московские власти хотели в 2013 г. ввести административную ответственность для бомжей, которые не прошли регистрацию, медобследование и необходимое лечение. Бездомных предлагалось по решению суда помещать на срок до года в закрытое социальное учреждение. Два законопроекта предполагалось внести в федеральный парламент через Мосгордуму. На их реализацию потребовалось бы около 2,5 млрд руб. из федерального бюджета и средства из регионов⁵. Однако эта инициатива осталась не востребовавшей, в том числе и из-за возможного нарушения прав этих лиц.

Следующая составляющая маргинального образа жизни, непосредственно связанная с «бомжеванием», — это пьянство и алкоголизм. Здесь вся история борьбы с этим явлением полна противоречий и крайностей. Но главный итог — практическая безрезультативность. Поэтому достаточно привести данные Роспотребнадзора о современном состоянии этого явления. На настоящий момент в России примерно 5 млн алкоголиков, а это в свою очередь каждый 30-й россиянин. 62% самоубийств совершается под действием опьяняющих веществ, 72% убийц же были пьяны во время совершения преступлений.

Россия занимает неутешительные места в мировых рейтингах, связанных с алкогольной продукцией. Так, в 2013 г. Российская Федерация заняла второе место в мире по расходам на алкоголь. Россияне потратили 61,5 млрд долл. на спиртосодержащую продукцию, отстав по этому показателю в мировом первенстве лишь от финнов. Потребление алкоголя в России, измеряемое в литрах на человека, стремительно растет вверх. Если в начале XXI в. это были уже пугающие 10–11 л на человека, то в 2013 г. цифра уже поднялась до 13 л, что в два раза превосходит среднемировой показатель в 6,2 л чистого спирта в год на человека старше 15 лет.

8 апреля 1967 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Им устанавливалось, что в ЛТП должны направляться лица, «уклоняющиеся от лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок или правила социалистического общежития». Срок пребывания в ЛТП⁶ устанавливался от 6 месяцев до 2 лет, а решение о направлении в него принимал местный судья.

⁵ Башарова С. Москва планирует помещать бездомных в закрытые учреждения // Известия. 2013. 16 сент.

⁶ Лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП) в СССР и некоторых постсоветских странах — вид лечебно-исправительного учреждения, предназначенного для тех, кто по решению суда направлялся на принудительное лечение от наркомании и алкоголизма. Фактически ЛТП являлись местом ограничения свободы, где основным методом лечения был принудительный труд больного. В то же время пребывание в ЛТП не считалось тюремным сроком и позволяло временно изолировать алкоголиков и пьяных нарушителей общественного порядка без отправки их в исправительные

За побег из профилактория устанавливалась уголовная ответственность. С 1972 г. такие лица из числа несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста, направлялись в лечебно-воспитательные профилактории для принудительного лечения на тот же срок.

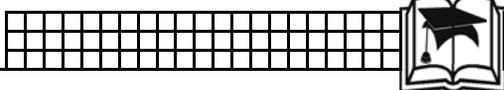
В соответствии с положениями о лечебно-трудовых профилакториях, принятыми в республиках СССР, и нормативными актами МВД СССР в них устанавливался режим принудительного лечения, близкий к режиму отбывания уголовного наказания. Однако эти лица не совершали преступных деяний, что обуславливало нарушения их конституционных прав и свобод. Большинство ограничений прав лиц, содержащихся в профилакториях, не вызывалось необходимостью лечения. Лица освобождались из ЛТП не по медицинским показаниям, а по истечении срока содержания, установленного судом. Вместе с тем, хотя реальная эффективность лечения от алкоголизма и наркомании была недостаточна, но семьи, окружающие лица были освобождены на этот период от семейных дебоширов и пьяных хулиганов.

В 1993 г. вышел и 1 июля 1994 г. вступил в законную силу указ Б. Ельцина, ликвидировавший лечебно-трудовые профилактории в России. Эта норма была подтверждена в 2003 г. указом В. Путина. Теперь ЛТП существуют только в Беларуси, Туркменистане и непризнанной Приднестровской Молдавской Республике.

В Беларуси в 1991 г. было принято специальное законодательство, сохраняющее ЛТП как институт, но не предусматривающее обязательного принудительного лечения. Закон действует в отношении алкоголиков и наркоманов, нарушающих законные права и интересы других лиц в связи со злоупотреблением алкоголем и наркотиками. Фактически речь идет об алкоголиках и наркоманах, которые терроризируют собственные семьи. Суд направляет таких людей в ЛТП в целях изоляции от общества и медико-социальной реабилитации. В противном случае к таким людям следовало бы применять уголовный закон, что далеко не всегда является лучшим способом решения проблемы.

Другим, достаточно жестким средством борьбы с пьянством и алкоголизмом были медицинские вытрезвители. Они появились в 1931 г. (назывались они тогда наркологическими приемниками) первоначально в структуре Наркомздрава, и занимались они оказанием только медицинских услуг по отрезвлению «подвыпившей» части населения. А в 1940 г. эти заведения передали в ведение НКВД. Только в 1985 г. в одной Москве через вытрезвители прошло около 300 тыс. человек, а по всему СССР — около 7,5 млн. Работа медвытрезвителя была поставлена четко, меньше было драк, потасовок, мужчины боялись этой службы, вернее не службы, а позора. Личный состав: водитель-милиционер и два милиционера, которые контролировали вверенную им территорию. В каждом районе крупного города имелись медвытрезвители. Медвытрезвители проводили профилактическую работу с

учреждения. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

нарушителями общественного порядка, а больных людей отправляли на лечение в наркологические заведения.

Но после распада Советского Союза в нашей стране, как и в других бывших советских республиках, начался процесс сокращения числа вырезвителей. А уже к октябрю 2011 г. были закрыты все учреждения указанного профиля. Их функции по вырезвлению граждан были переданы из структур МВД к медицинским учреждениям.

Ликвидация всех этих принудительных мер борьбы с данными маргинальными проявлениями была связана с необходимостью соблюдения прав граждан. И, действительно, фиксировались многочисленные факты таких нарушений. Однако опыт достаточно продуктивной борьбы с проявлениями маргинализма в нашей стране необходимо учитывать и сейчас. Это связано с тем, что современная преступность с каждым годом все больше маргинализуется, создавая все больше проблем законопослушным гражданам. Многие проявления маргинализма не только не исчезли, но получили еще большее распространение. В то же время возможности противодействия таким проявлениям очень ограничены, а потому и эффективность борьбы с маргинальными проявлениями, в том числе и в криминальной сфере, совершенно не соответствует необходимому уровню. Это наглядно демонстрируют статистические данные современной преступности.

Последние 11 лет идет беспрецедентное за всю историю СССР и России снижение преступности и всех наиболее тяжелых ее проявлений. Вся преступность с 2006 по 2016 г. снизилась почти наполовину (– 44%), а убийства сократились на 62%, разбои — на 81%, грабежи — на 83%.

Однако при этом количество заявлений и сообщений о правонарушениях достигло 30 814 587. По ним возбуждено 1848 129 уголовных дел. Отказано в возбуждении 6808 472. Возбуждено 2740 928 административных дел. Количество повторных заявлений — 2760 070. Заявлений и сообщений о преступлениях — 11 646 548.

При таком в общем благоприятном раскладе Россия занимает одно из худших положений по уровню убийств на 100 тыс. населения. В 2001 г. этот показатель достиг значения 22. В настоящее время его значение опустилось немного ниже — 9,4 убийства на 100 тыс. США — 3,9; Германия — 0,9; Франция — 1,2; Испания — 0,7; Япония — 0,3; Турция — 4,3. Среднее значение в мире — 5,3. При этом необходимо учитывать, что в розыске находится 34 822 лица, пропавших без вести, среди которых есть и жертвы убийств.

Вместе с тем есть показатели, которые существенно выросли за этот период. Это доля преступников, не имеющих постоянного источника доходов, которая выросла с 59,6 до 65,4%, в состоянии алкогольного опьянения совершается 38,9% (2006 г. — 19,5%), более половины (54%) всех преступников ранее уже имели опыт совершения преступлений, тогда как 11 лет назад таких лиц было только 28,8%, а доля наркоманов-преступников выросла более чем в пять раз (с 0,5 до 2,6%).

При существенном снижении количества преступлений несовершеннолетних с 148 595 до 48 589 (– 67%) и снижении доли преступности несовершеннолетних с 10 до 4,5% доля несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, возросла с 16 до 26,3%, а в состоянии алкогольного опьянения — с 12,3 до 13,8%.

Это основные признаки маргинализации преступности на современном этапе развития общества. Но есть и другие показатели преступности, подтверждающие данное утверждение. Это доля преступлений, совершенных на бытовой почве и в жилом секторе. Если доля всех преступлений, совершаемых на бытовой почве, составляет 6,7%, то тяжелых и особо тяжелых такая доля уже равна 13,6%. Каждое третье убийство (33,3%) и 35% нанесения тяжкого вреда здоровью совершаются по бытовым мотивам. Еще более красноречивы эти цифры применительно к жилому сектору. 62,3% убийств и 64% нанесений тяжкого вреда здоровью происходит в жилом секторе. В числе лиц, совершающих преступления в жилом секторе, 73% не имеют постоянного дохода (в общей преступности 64%), ранее совершали преступления 60% (в общей преступности 54%), в состоянии опьянения 51% (в общей преступности 38,9%).

Ежегодно сокращается и число погибших в результате преступных посягательств. В прошедшем году погибло 29 186 человек. Но при этом наибольшая доля погибших приходится на село — 40% (в центрах — 24%, в городах и поселках городского типа — 33%). Это тем более важно оценивать при сокращении сельского населения и ухудшении условий жизни на селе. По переписи населения 2010 г. было выявлено 1,5 млн брошенных сельских домов, 19,2 тыс. деревень, оставшихся вообще без населения (примерно столько было сожжено фашистами в войну), и 30,5 тыс. деревень, где население менее 10 человек⁷. Очевидно, что и это результат маргинализации сельских жителей (безработица, низкий уровень материального и социального обеспечения, повальное пьянство и алкоголизм).

Не просто обстоит дело в профилактической работе с лицами, состоящими на учетах в органах внутренних дел. Так, из числа состоящих на учетах 442 865 лиц, освободившихся из мест лишения свободы, 78% обеспечены жильем. То есть практически каждый четвертый остается на улице. А трудовой занятостью обеспечены 68 634 освободившихся (только 15,5%). На профилактических учетах состоят 105 996 семейных дебоширов, 136 379 алкоголиков и 78 388 наркоманов.

Организация профилактической работы в регионах не отвечает требованиям Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Так, в субъектах Федерации есть только 14 должностей заместителей глав администрации по профилактической работе, лишь в 12-ти созданы межведомственные комиссии по профилактике, в

⁷ Родин А. Помочь маленькому человеку // Аргументы и факты. 2016. 19–25 окт.

35-ти приняты комплексные программы профилактики правонарушений.

В текущем мониторинге за общественным порядком большое значение придается средствам видеоконтроля. Однако на сегодняшний день по стране только 82 181 место массового пребывания граждан оборудовано средствами видеонаблюдения и 3005 объектов транспорта оборудовано

системами видеоконтроля, установлено 74 707 видеокамер. То есть применительно к нашей стране с ее огромной территорией это «капля в море».

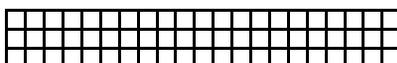
Приведенная статистика показывает необходимость принятия срочных мер по снижению маргинальных проявлений в преступности. И в этом вопросе целесообразно учитывать опыт нашей страны в борьбе с этим явлением.

Литература

1. Башарова С. Москва планирует помещать бездомных в закрытые учреждения / С. Башарова // Известия. 2013. 16 сент.
2. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с нею / Э.Ф. Побегайло. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1990. 47 с.
3. Родин А. Помочь маленькому человеку / А. Родин // Аргументы и факты. 2016. 19–25 окт.
4. Стивенсон С.А. О феномене бездомности / С.А. Стивенсон // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 26–33.
5. Park R.E. Human migration and the marginal man / R.E. Park // American Journal of Sociology. Chicago. 1928. Vol. 33. No. 6. P. 881–893.
6. Raban C. Marginalisierung und Wohlfahrtsstaat — von der theorie zur Praxis / C. Raban // Marginalisierung im Sozialstaat. Beiträge aus Großbritannien und der Bundesrepublik ; F. Blahusch, G. Gekeler, M. Mitchel, C. Raban. Verlag Arbeiterbewegung Und Gesselschaft. Marburg, 1986. 197 s.

References

1. Basharova S. Moskva planiruet pomeschat bezdomny'kh v zakryty'e uchrezhdeniya [Moscow Plans to Place Homeless in Closed Institutions] / S. Basharova // Izvestiya. 2013. 16 sent. — News. 2013. September 16.
2. Pobegaylo E.F. Tendentsii sovremennoy prestupnosti i sovershenstvovanie ugovovno-pravovy'kh mer borby' s neyu [Modern Crime Tendencies and Improvement of Criminal Law Means of Crime Combating] / E.F. Pobegaylo. Moskva : Izd-vo Akad. MVD SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. 47 s.
3. Rodin A. Pomoch malenkomu cheloveku [To Help Low Rankers] / A. Rodin // Argumenty' i fakty'. 2016. 19–25 okt. — Arguments and Facts. 2016. October 19 to 25.
4. Stivenson S.A. O fenomene bezdomnosti [On the Homelessness Phenomenon] / S.A. Stivenson // Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Research. 1996. № 8. S. 26–33.
5. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man / R.E. Park // Amerikan Journal of Sociology. Chicago. 1928. T. 33. № 6. S. 881–893.
6. Raban C. Marginalisierung und Wohlfahrtsstaat — von der Theorie zur Praxis / C. Raban // Marginalisierung im Sozialstaat. Beiträge aus Großbritannien und der Bundesrepublik ; F. Blahusch, G. Gekeler, M. Mitchel, C. Raban. Verlag Arbeiterbewegung und Gesselschaft. Marburg, 1986. 197 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-25-32

Следственный осмотр — лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела

Антонов В.А., Россинский С.Б.*

Цель. Доктринальный и нормативно-правовой анализ сущности следственного осмотра, направленный на выявление теоретических, законодательных и прикладных проблем, возникающих в процессе признания предметов или документов вещественными доказательствами по уголовному делу, а также на определение путей и способов их устранения и разрешения.

Методология: диалектика, анализ, синтез, историко-правовой метод, метод системного исследования. **Выводы.** 1) научная доктрина и основанное на ней уголовно-процессуальное законодательство смешивают две различные формы познания обстоятельств уголовного дела: а) осмотр как «невербальное» следственное действие, направленное на наглядно-образное восприятие материальных фрагментов объективной реальности и б) последующее исследование этих фрагментов, сопровождаемое формально-логическим мышлением и завершающееся формулированием определенных выводов; 2) следователь преимущественно должен стремиться не к осмотру предмета или документа, а к его сохранности по уголовному делу, к обеспечению возможности дальнейшего исследования, в частности, в судебном заседании в первоизданном виде; 3) осмотр как самостоятельное следственное действие — лишнее звено в установленном ч. 2 ст. 81 УПК РФ механизме признания предметов или документов вещественными доказательствами за исключением случаев невозможности обеспечения их сохранности до окончания производства по уголовному делу. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно ученым, студентам, аспирантам и адъюнктам, практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется проблемами производства следственных действий.

Ключевые слова: вещественные доказательства, исследование доказательств, осмотр вещественных доказательств, следственный осмотр, собрание доказательств.

An Investigatory Examination as an Excess Link in the Mechanism of Material Evidence Inclusion in Criminal Case Files

Antonov V.A., Rossinsky S.B.**

Purpose. doctrinal and statutory analysis of the essence of an investigatory examination aimed at identification of theoretical, legislative and applied issues arising in the course of acknowledging objects or documents as material evidence in a criminal case and elaboration of ways and means of their elimination and solution. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, historical and legal method, system research method. **Conclusions.** 1) The scientific doctrine and the criminal procedure laws based on it combine two various forms of cognition of criminal case circumstances: a) an examination as a non-verbal investigatory action aimed at visual and graphic perception of material fragments of objective reality and b) further research of such fragments accompanied by formal and logical thinking and ending with coming to specific conclusions. 2) Primarily, an investigator has to attempt not at an examination of an object or a document rather at its safekeeping within a criminal case, ensuring an opportunity of its further research in the original state, in particular, in a court hearing. 3) An examination as a standalone investigatory action is an excess link in the mechanism of acknowledging objects or documents as material evidence stipulated by Part 2 Article 81 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation except for the cases when it is impossible to ensure their safekeeping up to the termination of the criminal case proceedings. **Scientific and practical significance.** The conducted research may be useful for scientists, students, postgraduate students and junior scientific assistants, practitioners and everyone interested in the issues of the investigatory action carrying out.

Keywords: material evidence, evidence examination, examination of material evidence, investigatory examination, evidence collection.

Вещественные доказательства являются очень ранним видом судебных доказательств. Они с древних времен широко использовались в русском процессе. Им придавалось большое значение при рассмотрении судебных дел, о

чем убедительно говорят правовые памятники¹. Многолетние доктринальные исследования, проводимые в дорево-

¹ Выдря М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1955. С. 5.

* **АНТОНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ**, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, kkvsi@yandex.ru
РОССИНСКИЙ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, sergey@rossinsky.ru
 ** **ANTONOV VLADIMIR A.**, Professor of the Department of Criminalistics of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor
ROSSINSKY SERGEY B., Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Assistant Professor

люционный², советский³ и постсоветский⁴ период развития уголовно-процессуальной науки, позволили выработать и сформировать более или менее единый, унифицированный подход к сущности вещественных доказательств, под которыми в настоящее время понимаются объекты материального мира, находившиеся (находящиеся) в определенной связи с подлежащими установлению обстоятельствами и запечатлевшие на себе следы значимых для уголовного дела событий или явлений⁵. Кстати, похожие дефиниции вещественных доказательств содержатся и в публикациях по иным отраслям процессуального права, в частности по гражданскому процессу⁶.

В отличие от других средств процессуального познания, вещественные доказательства имеют принципиально иную, материальную форму. Они объективно существуют в элементах окружающего мира, «вводятся» в уголовный процесс в готовом виде; их формирование не зависит от воли или разума человека. Наибольшую ценность вещественных доказательств представляют их физические, химические и тому подобные свойства: форма, размер, масса, состав, механические, термические или иные изменения и т.д.

В этой связи законодатель уделяет особое внимание процессуальной процедуре приобщения вещественных доказательств к уголовному делу, включающей их осмотр и вынесение соответствующего постановления (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Подобная нормативно-правовая конструкция никогда не вызвала особых вопросов и дискуссий, а ученые и практические работники традиционно относились к ней как к само собой разумеющейся.

Вместе с тем существующее императивное правило об обязательном осмотре вещественных доказательств, на наш взгляд, не лишено некоторых методологических противоречий, оказывающих негативное влияние на правопримени-

тельную практику. Их мы и постараемся осветить в рамках настоящей статьи⁷.

Вообще осмотр — это следственное действие, заключающееся в визуальном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации материальных объектов, в том числе следов преступления, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения⁸ (ст. 176–178, 180 УПК РФ). Осмотр — это типичная форма реализации «невербального» способа процессуального познания⁹ («невербальное следственное действие»), в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Его сущность состоит в том, что следователь либо самостоятельно («невооруженным глазом»), либо при помощи технических средств воспринимает наличие, характер и расположение материальных объектов, имеющих доказательственное значение¹⁰.

Следственный осмотр как бы направлен на решение двух самостоятельных, но в то же время взаимосвязанных задач: а) на восприятие (иногда изучение или исследование) следователем фрагментов объективной реальности; б) на фиксацию данных фрагментов в соответствующем протоколе (иногда на их изъятие для приобщения к материалам уголовного дела). При этом сам по себе осмотр не предполагает логический анализ воспринятой информации, а сводится лишь к ее констатации. В.М. Николайчик писал, что про-

⁷ Ввиду ограниченного объема настоящей статьи указанные проблемы освещены авторами лишь в части досудебного производства (следственного осмотра вещественных доказательств). Однако представляется, что они в такой же мере касаются и судебного осмотра вещественных доказательств, проводимого в порядке ст. 284 УПК РФ.

⁸ Приведенное определение следственного осмотра является достаточно устоявшимся и в целом разделяется всеми учеными, посвятившими свои работы данной проблематике. См., напр.: Колмаков В.П. Следственный осмотр. М.: Юридическая литература, 1969. С. 18; Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 49; Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2012. С. 103; и т.д.

⁹ Под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующих мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

См. подр.: Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 58–62.

Вместе с тем с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в процессуальной и криминалистической литературе мы используем его в данном контексте с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берем его в кавычки.

¹⁰ Терзиев Н.В. Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия. М.: ВЮЗИ, 1955. С. 4; Колмаков В.П. Указ. соч. С. 12; Иванов Л.А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1993. С. 8.

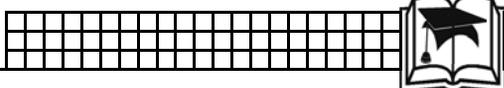
² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 2. С. 294; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1914. С. 393; и др.

³ Выдря М.М. Указ. соч. С. 45; Селиванов Н.А. Вещественные доказательства (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование). М.: Юридическая литература, 1971. С. 11; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юридическая литература, 1973. С. 634; Орлов Ю.К. Вещественные доказательства в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук., 1970. С. 5; Кертэс И. Основы теории вещественных доказательств. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. С. 25; и др.

⁴ Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. С. 203; Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 36–37; Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 305; и т.д.

⁵ Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: ЭКСМО, 2009. С. 236.

⁶ Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. С. 246; Власов А.А. Вещественные доказательства в гражданском процессе. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1999. С. 10; и т.д.

токол должен содержать лишь очевидные и бесспорные для участников осмотра особенности осматриваемого объекта¹¹. С.А. Шейфер, ссылаясь на ч. 2 ст. 180 УПК РФ, справедливо отмечал, что в протоколе осмотра излагаются только наблюдавшиеся следователем обстоятельства. А предположения и выводы следователя относительно механизма образования следов, последовательности действий преступника и т.д., которые неминуемо возникают в ходе осмотра, в протоколе не излагаются¹². В этой связи необходимо также вспомнить и позицию Р.С. Белкина и Е.М. Лившица, что логическое мышление используется не во время непосредственного производства следственного осмотра, а уже позднее — при обработке его результатов в целях выявления их связей как с самим расследуемым событием, так и с другими фактическими данными, собранными по делу¹³.

Наиболее наглядно этот существенный признак следственного осмотра можно проанализировать на примере письменных документов или иных объектов, содержащих условно-знаковые элементы. Осматривая подобный документ, следователь воспринимают его не как форму подачи определенных вербальных сведений, не как интеллектуальный продукт, а в первую очередь как материальный объект, имеющий свои физические признаки и необходимые реквизиты. Л.А. Иванов указывал, что при осмотре документа внимание обращается на его название, формат, размеры, реквизиты, их содержание, штампы, подписи, состояние бумаги, ее цвет, складки, разрывы, пятна и т.д.¹⁴ Но даже осматривая исключительно вербальные части документа, например рукописный или печатный текст, следователь не формирует в своем сознании мысленные образы, вытекающие из его содержания, а лишь констатирует факт наличия в документе определенных слов, фраз и тому подобных объектов, не вникая в их смысл.

Осмысленное изучение условно-знаковых фрагментов, осуществляемое посредством рационального мышления и завершающееся формированием полноценных мысленных образов, — это уже следующий этап работы либо с самим документом, либо с протоколом его осмотра. В свое время В.П. Власов называл такую деятельность предварительным исследованием документа. Он писал, что в следственной практике предварительное исследование очень часто путают с осмотром, называя одно другим, например, пишут или говорят: «Следователь, осмотрев документы, пришел к выводу о том, что...». Фактически же в данном случае был проведен не осмотр как процессуальное действие, а именно предварительное исследование. Автор абсолютно правильно полагал, что причина данной ошибки заключается в обиходном толковании осмотра как вообще всякого, основанного на на-

блюдении, т.е. специальном зрительном восприятии, приема или метода изучения чего-либо, ознакомления с чем-либо. Однако между ними имеются существенные различия в процессуальной природе и познавательном значении. Подобное исследование документов В.П. Власов именовал «предварительным», поскольку считал, что эта деятельность обычно предваряет какое-либо процессуальное действие: осмотр, назначение экспертизы, обыск, допрос и др.¹⁵ Но это не совсем так. Ведь ознакомление субъекта уголовно-процессуального познания с содержанием документа не нужно связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием. Оно вполне может иметь место и само по себе, особенно когда документ непосредственно содержит сведения, имеющие значение для уголовного дела, например, при ознакомлении следователя с истребованной копией приговора, представленной защитником положительной характеристикой обвиняемого и т.д.

В данном случае необходимо говорить не о предварительном исследовании, а просто об исследовании документа, являющимся не чем иным, как типичной разновидностью общего гносеологического механизма исследования доказательств. Исследование доказательств — необходимый атрибут доказывания, это фрагмент познавательной деятельности, который, к великому сожалению, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехзвенной структуре: собирание — проверка — оценка доказательств¹⁶. И поэтому дальнейшему исследованию подвержены любые предметы и документы, бывшие некогда объектами следственного осмотра, в том числе и потенциальные вещественные доказательства.

Другое дело, что в реальной следственной практике, т.е. на прикладном уровне, осмотр и исследование зачастую взаимосвязаны, сильно переплетены и проводятся в рамках единого познавательного акта. Однако это вовсе не означает, что собирание (формирование) и исследование доказательств не делимы и на теоретическом уровне, в гносеологическом контексте они существенно отличаются друг от друга и выступают самостоятельными элементами уголовно-процессуального познания.

Объектом будущего, в том числе судебного, исследования в конечном счете может стать и сам протокол следственного осмотра (места происшествия, предмета, документа и т.д.). Однако подобный процесс представляется актуальным и востребованным лишь в тех случаях, когда непосредственное исследование самого объекта в силу различных причин невозможно, затруднительно или нецелесообразно. Например, как в судебном заседании исследовать место про-

¹¹ Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1968. С. 58.

¹² Шейфер С.А. Указ. соч. С. 59.

¹³ Белкин Р.С. Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый Юрист, 1997. С. 44.

¹⁴ Иванов Л.А. Указ. соч. С. 141.

¹⁵ Власов В.П. Следственный осмотр и предварительное исследование документов. М.: Госюриздат, 1961. С. 12.

¹⁶ См. подр.: Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 43–45; Его же. Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 26–27; Его же. Следственные действия. М.: Норма, 2018. С. 29–31.

исшествия или труп, осмотренные следователем задолго до этого? Как исследовать скоропортящийся товар, давно реализованный в порядке ч. 2 ст. 182 УПК РФ? Как исследовать наркотическое вещество, израсходованное в процессе производства в отношении него судебной экспертизы? Очевидно, что именно для подобных ситуаций и предусмотрены механизмы следственного осмотра, позволяющие помимо решения своей первой задачи — непосредственного восприятия фрагментов объективной, реальности, решить и вторую — описать данные фрагменты в соответствующем протоколе и зафиксировать их посредством иных способов (фотографирования, видеозаписи, составления планов, схем и т.д.).

В остальных случаях следователь должен стремиться не к осмотру данного объекта, а к его сохранности по уголовному делу, к обеспечению возможности дальнейшего исследования, в частности, в судебном заседании в первоначальном виде. Ведь в контексте сформулированных одним из авторов настоящей статьи закономерностей «невербального» способа процессуального познания протокол следственного осмотра содержит не сами обстоятельства объективной реальности, а их мысленные образы, запечатленные в сознании его автора. Для последующего читателя или слушателя (прокурора, защитника, судьи, присяжных и т.д.) протокол следственного осмотра всегда будет иметь характер производного доказательства («из вторых рук»), всегда будет обладать некоторой познавательной ущербностью по сравнению с самим материальным объектом, подлежащим непосредственному восприятию. На производный характер материалов следственных протоколов в контексте последующего судебного заседания в свое обращал внимание время В.Я. Лившиц, который еще в 1949 г. писал, что между предметом осмотра, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента и содержанием протокола находится еще одно посредствующее звено — личность должностного лица, составившего протокол, его восприятие, память, умение воспроизвести протокол¹⁷. Достаточно близко к идее о производности протоколов следственных действий для последующего судебного познания в своих работах подошел и один из наиболее авторитетных специалистов в этой области, Ф.М. Кудин, который вместе с тем напрямую не высказывал данных соображений¹⁸. В трудах других исследователей этот вопрос не поднимался. А некоторые авторы, наоборот, ошибочно писали о протоколах не как о производных, а, наоборот, как о сугубо первоначальных доказательствах¹⁹.

¹⁷ Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М.С. Строгович. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1949. С. 118.

¹⁸ Кудин Ф.М. Избранные труды. Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2010. С. 281, 283.

¹⁹ Соколов А.Ф. Протоколы следственных действий как доказательства в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СЮИ имени Д.И. Курского, 1982. С. 13 ; Воронина Л.В. Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам

Ввиду доказательственной производности протокола следственного осмотра представляется вполне очевидной несостоятельность нормативных предписаний об обязательном осмотре предметов — вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). В этой связи необходимо обратить внимание на выявленные ранее критерии для разграничения вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных действий, подпадающих под диспозицию ст. 83 УПК РФ. Вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) — это не более чем сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. Вещественное доказательство может поведать лишь только то, что оно действительно существует, а не является чьим-либо вымыслом или фантомом.

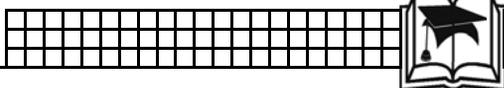
В этой связи мы выражаем несогласие с позициями целого ряда авторов, смешивающих вещественные доказательства с местами их обнаружения, с информацией об их расположении относительно друг друга и тому подобными сведениями²⁰. Полагаем, что сведения о нахождении той или иной вещи в определенном месте (у определенного лица) либо об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов предполагают формирование иных доказательств — результатов «невербальных» следственных действий. Причем последние обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания. Замысел настоящей статьи не предполагает подробное рассмотрение различных теоретических и прикладных нюансов доказательственного права, в частности, проблем соотношения и разграничения различных видов доказательств. Эти вопросы достаточно обстоятельно рассмотрены в других наших работах²¹.

Согласно ч. 2 ст. 81 и ч. 1 ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства приобщаются к уголовному делу и за исключением специально оговоренных законом случаев подлежат хранению до вступления приговора в законную силу (до истечения срока обжалования решения о прекращении уголовного дела) с тем условием, чтобы при первой необходимости быть готовыми к предъявлению для обозрения суду или дру-

Казахской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1987. С. 11.

²⁰ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : ВГУ, 1978. С. 183 ; Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Указ. соч. С. 36–37 ; Попова Н.А. Вещественные доказательства: сборание, представление и использование их в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9 ; Смирнов А.В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 31–32 ; Боруленков Ю.П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // СПС «КонсультантПлюс» ; и т.д.

²¹ Россинский С.Б. Вопросы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с вещественными доказательствами // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1454–1460 ; Его же. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу... С. 121–129.

гим лицам в своем первоначальном виде. Подобные и вполне разумные предписания просто лишают предварительный осмотр вещественных доказательств какого-либо смысла. Зачем бессмысленно множить производный доказательственный материал и фиксировать в протоколе следственного действия форму, размер и прочие индивидуальные признаки предмета, если этот предмет может быть представлен в натуре (как первоначальное доказательство) при первой необходимости?

Исследуя данные проблемы, В.Ю. Стельмах пишет о негативной практике, заключающейся в проведении сугубо формальных и совершенно бессмысленных осмотров вещественных доказательств, сводящихся к их простому перечислению в протоколе²². Однако подобные законодательные недочеты скрывают в себе куда большую опасность, чем простое обременение следователей обязанностью составления лишних процессуальных документов. Один из авторов настоящей статьи ранее уже писал о порочности и недопустимости применяемых в настоящее время прикладных технологий, выраженных в признании вещественными доказательствами материалов дополнительных средств фиксации следственных действий (аудио-, видеозаписей и т.п.), которые являются не более чем приложениями к соответствующим протоколам (ч. 8 ст. 166 УПК РФ)²³. Представляется, что в данном случае имеет место аналогичная ошибка, но с точностью до наоборот: в материалах уголовных дел наряду с вещественными доказательствами фактически незаконно появляются новые доказательства — протоколы их осмотров, чем искусственно и абсолютно неправомерно укрепляется доказательственная база. Вместо одного в распоряжении следователя возникают два самостоятельных доказательства, которые к тому же являются взаимопроверяемыми и позволяют положительно оценить друг друга на предмет достоверности.

В.Ю. Стельмах пытается найти выход из сложившейся ситуации посредством внесения коррективов в ч. 2 ст. 81 УПК РФ, разрешив органам предварительного расследования осматривать потенциальные вещественные доказательства как в момент их обнаружения, так и впоследствии посредством отдельного следственного действия²⁴. Возможно, автор выдвигает вполне разумную идею, которая позволит частично оптимизировать правоприменительную практику. Но слабость его позиции заключается в том, что он, не выявляя причин возникновения рассматриваемой проблемы, пытается бороться лишь с ее следствием — некорректными формулировками Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Прежде чем вносить очередную порцию поправок в УПК РФ, стоит задуматься, а что, собственно говоря, побудило

законодателя установить такой правовой режим работы с вещественными доказательствами, который вызывает нарекания специалистов и приводит к порочной следственной практике? Ответ на данный вопрос вполне понятен. Очевидно, что разработчики УПК РФ допустили ту самую методологическую ошибку, которую еще в 1961 г. описывал вышеупомянутый В.П. Власов. Они перепутали, смешали два самостоятельных этапа процессуального познания: осмотр как «невербальное» следственное действие и осмотр как исследование данного предмета, т.е. как прием рационального мышления, сопровождаемый формулированием промежуточных выводов.

Для справедливости отметим, что данная нормативная конструкция тянется неким шлейфом с дореволюционных времен. Так, еще в ст. 371 Устава уголовного судопроизводства Российской империи говорилось, что вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколе с указанием обстоятельств их отыскания и изъятия. В дальнейшем эти императивные предписания плавно перетекли в ст. 67 УПК РСФСР 1923 г., далее — в ст. 84 УПК РСФСР 1960 г., а оттуда — в ст. 81 УПК РФ. Следовательно, современный законодатель при формировании правового режима приобщения вещественных доказательств к уголовному делу просто бездумно технически перенес ранее существующие положения на современную почву, не придав значения различным методологическим подходам, имевшимся применительно к сущности доказательств в различные периоды развития уголовного судопроизводства, не учел, что в отличие от заложенной в УПК РФ информационной концепции доказательственного права дореволюционные воззрения базировались на принципиально иной, формально-логической доктрине (доказательства — это основания для судебного убеждения).

Представляется, что ч. 2 ст. 81 УПК РФ предполагает не осмотр как «невербальное» следственное действие, а именно исследование обнаруженных предметов в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания, в частности, для установления оснований для их признания вещественными доказательствами. Напомним, что в контексте общих условий предварительного расследования подобное исследование происходит камерально, без участия сторон, и не нуждается ни в каких процессуальных гарантиях. Поэтому при необходимости восприятия и изучения материальных объектов, имеющих значение для уголовного дела (потенциальных вещественных доказательств), в отрыве от предопределивших их появление следственных действий (осмотра, обыска, проверки показаний на месте) этот познавательный акт может осуществляться в свободной форме, не связанной с правовым режимом следственного осмотра.

Таким образом, осмотр как самостоятельное следственное действие — лишнее звено в установленном ч. 2 ст. 81 УПК РФ механизме признания предметов вещественными доказательствами. В этой связи представляется разумным не идти по пути, обозначенному В.Ю. Стельмахом, а просто ис-

²² Стельмах В.Ю. Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 24.

²³ Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–103.

²⁴ Стельмах В.Ю. Указ. соч. С. 24.

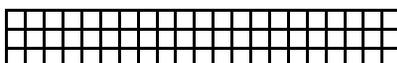
ключить из названных диспозиций соответствующие предписания, т.е. передать решение данного вопроса в дискретную плоскость (на усмотрение следователя).

Исключения из такого дискретного режима должны составлять лишь случаи, связанные с невозможностью, затруднительностью или нецелесообразностью сохранения вещественных доказательств при уголовном деле (ч. 2–3 ст. 82 УПК РФ) и требующие их обязательного осмотра в целях письменной, а также фото- или видеофиксации для последующего восприятия в судебном заседании. Ведь в ряде практических ситуаций замена непосредственного исследования

самого объекта его предварительным осмотром и последующим восприятием соответствующего протокола с приложениями к нему вполне оправдана. Например, следователь, предварительно осмотрев с участием специалиста аудиодokument — запись разговора обвиняемого с потерпевшим, в дальнейшем получает возможность уже самостоятельно исследования протокола, содержащего письменную расшифровку этой беседы. После осмотра электронного документа — СМС-сообщения из сотового телефона обвиняемого — проводится исследование протокола, содержащего письменную распечатку данного сообщения, и т.д.

Литература

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий / О.Я. Баев. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2012. 440 с.
2. Белкин Р.С. Тактика следственных действий / Р.С. Белкин, Е.М. Лившиц. М. : Новый Юрист, 1997. 176 с.
3. Боруленков Ю.П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» / Ю.П. Боруленков // СПС «КонсультантПлюс».
4. Власов А.А. Вещественные доказательства в гражданском процессе / А.А. Власов. М. : Издательство им. Сабашниковых, 1999. 142 с.
5. Власов В.П. Следственный осмотр и предварительное исследование документов / В.П. Власов. М. : Госюриздат, 1961. 145 с.
6. Воронина Л.В. Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР) : дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Воронина. Л., 1987. 220 с.
7. Выдря М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе / М.М. Выдря. М. : Госюриздат, 1955. 118 с.
8. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж : ВГУ, 1978. 303 с.
9. Иванов Л.А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов : Саратовский госуниверситет, 1993. 155 с.
10. Кертэс И. Основы теории вещественных доказательств / И. Кертэс. М. : ВНИИ МВД СССР, 1973. 100 с.
11. Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995. 265 с.
12. Колмаков В.П. Следственный осмотр / В.П. Колмаков. М. : Юридическая литература, 1969. 196 с.
13. Кудин Ф.М. Избранные труды / Ф.М. Кудин. Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2010. 393 с.
14. Кудрявцева А.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России / А.В. Кудрявцева, Ю.В. Худякова. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. 21 с.
15. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. М. : Высшее образование, 2009. 343 с.
16. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В.Я. Лившиц ; отв. ред. М.С. Строгович. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1949. 208 с.
17. Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств / В.М. Николайчик. М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1968. 67 с.
18. Орлов Ю.К. Вещественные доказательства в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.К. Орлов. М., 1970.
19. Попова Н.А. Вещественные доказательства: сборание, представление и использование их в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Попова. Саратов, 2007. 26 с.
20. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914. 546 с.
21. Россинский С.Б. Вопросы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с вещественными доказательствами / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1454–1460.
22. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.
23. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? / С.Б. Россинский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–104.
24. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский. М. : Юрлитинформ, 2015. 220 с.
25. Россинский С.Б. Следственные действия / С.Б. Россинский. М. : Норма, 2018. 238 с.
26. Россинский С.Б. Сборание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения / С.Б. Россинский // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
27. Россинский С.Б. Уголовный процесс : учебник / С.Б. Россинский. М. : Эксмо, 2009. 735 с.
28. Селиванов Н.А. Вещественные доказательства: криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование / Н.А. Селиванов. М. : Юридическая литература, 1971. 198 с.
29. Смирнов А.В. Что считать вещественным доказательством / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 28–32.
30. Соколов А.Ф. Протоколы следственных действий как доказательства в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Соколов. Саратов, 1982. 15 с.
31. Стельмах В.Ю. Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия / В.Ю. Стельмах. М. : Юрлитинформ, 2017. 345 с.
32. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М. : Юридическая литература, 1973. 734 с.
33. Терзиев Н.В. Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия / Н.В. Терзиев. М. : ВЮЗИ, 1955. 62 с.
34. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. М. : Городец, 1997. 317 с.
35. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. 3-е изд. СПб. : Сенатская типография, 1910. Т. 2. 573 с.
36. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. М. : Юрлитинформ, 2004. 183 с.

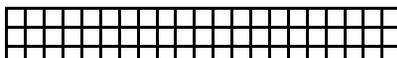
References

1. Baev O.Ya. Taktika sledstvenny'kh deystviy [Tactics of Investigative Procedure] / O.Ya. Baev. Voronezh : Voronezhskiy gosuniversitet — Voronezh : Voronezh State University, 2012. 440 s.
2. Belkin R.S. Taktika sledstvenny'kh deystviy [Tactics of the Investigative Procedure] / R.S. Belkin, E.M. Livshits. Moskva : Novy'y Yurist — Moscow : New Lawyer, 1997. 176 s.
3. Borulenkov Yu.P. K voprosu o ponyatii «veschestvenny'e dokazatelstva» [On the Material Evidence Notion] / Yu.P. Borulenkov // SPS «KonsultantPlyus» — ConsultantPlus reference legal system.
4. Vlasov A.A. Veschestvenny'e dokazatelstva v grazhdanskom protsesse [Material Evidence in a Civil Procedure] / A.A. Vlasov. Moskva : Izdatelstvo im. Sabashnikov'kh — Moscow : Sabashnikov's publishing house, 1999. 142 s.
5. Vlasov V.P. Sledstvenny'y osmotr i predvaritelnoe issledovanie dokumentov [An Investigatory Examination and Preliminary Document Review] / V.P. Vlasov. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1961. 145 s.
6. Voronina L.V. Protokoly' i iny'e dokumenty' kak istochniki dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse (po materialam Kazakhskoy SSR) : dis. ... kand. yurid. nauk [Minutes and Other Documents as Evidence Sources in the Soviet Criminal Procedure (Based on Files of the Kazakh Soviet Socialist Republic) : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / L.V. Voronina. Leningrad — Leningrad, 1987. 220 s.
7. Vydrya M.M. Veschestvenny'e dokazatelstva v sovetskom ugovnom protsesse [Material Evidence in the Soviet Criminal Procedure] / M.M. Vydrya. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : Gosyurizdat, 1955. 118 s.
8. Gorsky G.F. Problemy' dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [Evidence Issues in the Soviet Criminal Procedure] / G.F. Gorsky, L.D. Kokorev, P.S. Elkind. Voronezh : VGU — Voronezh : VSU, 1978. 303 s.
9. Ivanov L.A. Sledstvenny'y osmotr pri rassledovanii transportny'kh proisshestviy [An Investigatory Examination in Investigation of Traffic Accidents] / L.A. Ivanov. Saratov : Saratovskiy gosuniversitet — Saratov : Saratov State University, 1993. 155 s.
10. Kertes I. Osnovy' teorii veschestvenny'kh dokazatelstv [Fundamentals of Material Evidence Theory] / I. Kertes. Moskva : VNII MVD SSSR — Moscow : All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1973. 100 s.
11. Kokorev L.D. Ugolovny'y protsess: dokazatelstva i dokazy'vanie [Criminal Procedure: Evidence and Proving] / L.D. Kokorev, N.P. Kuznetsov. Voronezh : Voronezhskiy gosuniversitet — Voronezh : Voronezh State University, 1995. 265 s.
12. Kolmakov V.P. Sledstvenny'y osmotr [Investigatory Examination] / V.P. Kolmakov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1969. 196 s.
13. Kudin F.M. Izbranny'e trudy' [Selected Works] / F.M. Kudin. Volgograd : Volgogradskiy gosuniversitet — Volgograd : Volgograd State University, 2010. 393 s.
14. Kudryavtseva A.V. Veschestvenny'e dokazatelstva v ugovnom protsesse Rossii [Material Evidence in the Russian Criminal Procedure] / A.V. Kudryavtseva, Yu.V. Khudyakova. Chelyabinsk : Poligraf-Master — Chelyabinsk : Poligraf-Master, 2006. 21 s.
15. Lazareva V.A. Dokazy'vanie v ugovnom protsesse : uchebno-prakticheskoe posobie [Proving in a Criminal Procedure : text- and workbook] / V.A. Lazareva. Moskva : Vy'sshee obrazovanie — Moscow : Higher Education, 2009. 343 s.
16. Livshits V.Ya. Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovnom protsesse ; otv. red. M.S. Strogovich [The Principle of Direct Proceedings in the Soviet Criminal Procedure ; publishing editor M.S. Strogovich] / V.Ya. Livshits. Moskva ; Leningrad : Akademiya nauk SSSR — Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR, 1949. 208 s.
17. Nikolaychik V.M. Sledstvenny'y osmotr veschestvenny'kh dokazatelstv [An Investigatory Examination of Material Evidence] / V.M. Nikolaychik. Moskva : VNII Prokuratury' SSSR — Moscow : All-Union Research Institute of the Prosecutor's Office of the USSR, 1968. 67 s.
18. Orlov Yu.K. Veschestvenny'e dokazatelstva v ugovno-protsessualnom dokazy'vanii : dis. ... kand. yurid. nauk [Material Evidence in Criminal Procedure Proving : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / Yu.K. Orlov. Moskva — Moscow, 1970.
19. Popova N.A. Veschestvenny'e dokazatelstva: sobiranie, predstavlenie i ispolzovanie ikh v dokazy'vanii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Material Evidence: Collection, Presentation and Usage in Proving : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.A. Popova. Saratov — Saratov, 2007. 26 s.
20. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Proceedings] / N.N. Rozin. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy knizhny'y sklad «Pravo» — Saint Petersburg : Legal Book Warehouse Law, 1914. 546 s.
21. Rossinsky S.B. Voprosy' sootnosheniya rezultatov neverbalny'kh sledstvenny'kh i sudebny'kh deystviy s veschestvenny'mi dokazatelstvami [Issues of Correlation between Results of Non-Verbal Investigative and Judicial Procedures Involving Material Evidence] / S.B. Rossinsky // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2013. № 11. S. 1454–1460.
22. Rossinsky S.B. O strukture ugovno-protsessualnogo dokazy'vaniya [On the Structure of Criminal Procedure Proving] / S.B. Rossinsky // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2017. № 5. S. 39–50.
23. Rossinsky S.B. Prilozhenie k protokolu sledstvennogo deystviya: priznavat ili ne priznavat kak veschestvennoe dokazatelstvo? [Annex to Investigative Procedure Minutes: to Acknowledge as Material Evidence or not?] / S.B. Rossinsky // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (81). S. 91–104.
24. Rossinsky S.B. Rezultaty' «neverbalny'kh» sledstvenny'kh i sudebny'kh deystviy kak vid dokazatelstv po ugovnomu delu [Results of Non-Verbal Investigative and Judicial Procedures as a Type of Evidence in a Criminal Case] / S.B. Rossinsky. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2015. 220 s.
25. Rossinsky S.B. Sledstvenny'e deystviya [Investigative Procedures] / S.B. Rossinsky. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2018. 238 s.
26. Rossinsky S.B. Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatelstv v ugovnom sudoproizvodstve: problemy' razgranicheniya [Collection, Elaboration and Review of Evidence in Criminal Proceedings: Demarcation Issues] / S.B. Rossinsky // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2017. № 5. S. 24–27.
27. Rossinsky S.B. Ugolovny'y protsess : uchebnik [Criminal Procedure : textbook] / S.B. Rossinsky. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2009. 735 s.
28. Selivanov N.A. Veschestvenny'e dokazatelstva: kriminalisticheskoe i ugovno-protsessualnoe issledovanie [Material Evidence: Criminalistic and Criminal Procedure Research] / N.A. Selivanov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1971. 198 s.
29. Smirnov A.V. Chto schitat veschestvenny'm dokazatelstvom [What to Consider Material Evidence] / A.V. Smirnov // Ugolovny'y protsess — Criminal Procedure. 2011. № 4. S. 28–32.

30. Sokolov A.F. Protokoly' sledstvenny'kh deystviy kak dokazatelstva v sovetskom ugovnom protsesse : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Investigative Procedure Minutes as Evidence in the Soviet Criminal Procedure : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.F. Sokolov. Saratov — Saratov, 1982. 15 s.
31. Stelmakh V.Yu. Vizualny'e, verbalny'e i kombinirovanny'e sledstvenny'e deystviya [Visual, Verbal and Mixed Investigative Procedures] / V.Yu. Stelmakh. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2017. 345 s.
32. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse ; otv. red. N.V. Zhogin [The Evidence Theory in the Soviet Criminal Procedure ; publishing editor N.V. Zhogin]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1973. 734 s.
33. Terziev N.V. Nekotory'e voprosy' sledstvennogo osmotra mesta proisshestiya [Some Issues of Investigatory Examination of an Accident Scene] / N.V. Terziev. Moskva : VYuZI — Moscow : All-Union Legal Correspondence Institute, 1955. 62 s.
34. Treushnikov M.K. Sudebny'e dokazatelstva [Judicial Evidence] / M.K. Treushnikov. Moskva : Gorodets — Moscow : Gorodets, 1997. 317 s.
35. Foynitsky I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva ; 3-e izd. [A Course of Criminal Proceedings ; 3rd edition] / I.Ya. Foynitsky. Sankt-Peterburg : Senatskaya tipografiya. 1910. T. 2 — Saint Petersburg : Senate printing office, 1910. Vol. 2. 573 s.
36. Sheyfer S.A. Sledstvenny'e deystviya. Osnovaniya, protsessualny'y poryadok i dokazatelstvennoe znachenie [Investigative Procedures. Grounds, Procedural Order and Evidentiary Meaning] / S.A. Sheyfer. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2004. 183 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-33-37

Вопросы охраны окружающей среды Арктики при осуществлении деятельности в прибрежных морях и на континентальном шельфе

Доронина А.К.*

Цель. В статье рассматриваются природоохранные акты прибрежных арктических государств в сфере охраны морской среды Арктики, сравниваются правовые механизмы и методы правовой охраны Арктики, применяемые в различных прибрежных арктических государствах, с точки зрения возможности имплементации в российскую правовую систему. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, обобщение, сравнение, аналогия, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод. **Выводы.** Для обеспечения охраны окружающей среды российской Арктики, предотвращения вреда ее хрупким экосистемам и возмещения накопленного вреда следует обратить внимание на сложившийся опыт других арктических государств и международных организаций применительно к данному вопросу. Во-первых, на компенсационные фонды, во-вторых, на вопросы трансграничного загрязнения в Арктике, в-третьих, на предотвращение несанкционированного судоходства по арктическим водам, в-четвертых, на возможность создания панарктических особоохраняемых морских акваторий. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает и уточняет теоретические положения, существующие в науке экологического права относительно правовых механизмов охраны окружающей среды Арктики. Сделанные в настоящем исследовании выводы позволят законодательным органам обратить внимание на иные правовые механизмы охраны окружающей среды, что может послужить основой улучшения российского законодательства.

Ключевые слова: Арктика, охрана окружающей среды, экологическое право, арктические государства, арктическая пятёрка, континентальный шельф.

Arctic Environment Protection Issues in Carrying out of Activities in Near-Shore Areas and on the Continental Shelf

Doronina A.K.**

Purpose. This article attempts to analyze the environmental acts of the Arctic coastal states in the field of protection of the Arctic marine environment, analyzes the legal mechanisms applied in various coastal Arctic states for the possibility of implementation some of them in the Russian legal system. **Methods:** dialectics, analysis, synthesis, generalization, comparison, analogy, formal-legal method, comparative legal method. **Results.** To ensure the protection of the environment of the Russian Arctic, to prevent environmental damage to its fragile ecosystems and to compensate for the accumulated damage, attention should be paid to the experience of other Arctic states and international organizations in relation to this issue. Firstly, to the compensation funds; secondly, on the issues of transboundary pollution; thirdly, to prevention of unauthorized navigation in the Arctic waters; fourthly, on the possibility of creating panarctic protected marine areas. **Scientific and practical significance.** The conducted research develops and clarifies the theoretical provisions that exist in the science of environmental law concerning the legal mechanisms for the protection of the Arctic environment. The findings of this study will allow the legislative bodies to pay attention to other legal mechanisms for environmental protection, which can serve as a basis for improving Russian legislation.

Keywords: the Arctic, environmental protection, environmental law, the arctic states, the legal status of Arctic, the arctic 5, the continental shelf.

Значительная часть арктического региона приходится на морские территории: в нее входит практически весь Северный Ледовитый океан, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Перспектива изменения природно-климатических условий, в частности, возможное таяние льдов до пределов, позволяющих создание постоянных морских маршрутов, не может не отразиться на окружающей среде Арктики. Как международное, так и национальное законодательство государств, заинтересованных в освоении Арктики, превентивно готовит разнообразные правовые ме-

тоды решения задач охраны морской среды региона в процессе предстоящей деятельности. Представляют интерес подходы прибрежных арктических государств (России, США, Канады, Норвегии и Дании) к регулированию данного вопроса с целью изучения возможности имплементации положительного опыта в национальное законодательство.

Среди различных направлений охраны окружающей среды Арктики при осуществлении деятельности в море особое значение имеют природоохранные аспекты разработки природных ресурсов на континентальном шельфе прибрежных

* **ДОРОНИНА АННА КОНСТАНТИНОВНА**, аспирант кафедры экологического и земельного права Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, akdoronina@gmail.com

** **DORONINA ANNA K.**, Postgraduate Student of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

арктических государств и в их исключительной экономической зоне, а также правовые проблемы загрязнения с судов, проходящих по арктическим водам. Оба этих направления антропогенной деятельности связаны с высокими экологическими рисками, в том числе рисками аварий и непреднамеренных загрязнений. В силу природно-климатических условий разливы и аварии в Арктике более вероятны, а ликвидация последствий затруднена¹.

Северный Ледовитый океан характеризуется широким континентальным шельфом и архипелагами островов (таких как Шпицберген), которые «представляют собой сосредоточение ледников, снежников, пресных водных объектов», в перспективе «востребованных водным хозяйством»². Согласно ст. 1 Конвенции о континентальном шельфе 1958 г.³ термин «континентальный шельф» применяется к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря до глубины 200 м или за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов, а также поверхности и недрам подобных районов, примыкающих к берегам островов. Континентальный шельф обладает особым правовым статусом: не являясь территорией государств, он попадает под юрисдикцию и, соответственно, правовое регулирование прилегающего государства⁴.

Российская Федерация, как государство, обладающее самым протяженным арктическим побережьем и самой большой площадью арктического континентального шельфа, особо заинтересована в должном регулировании деятельности на этих территориях. В условиях развивающейся нефтедобычи пристальное внимание должно быть уделено проблеме защите морей от нефтяного загрязнения. Континентальный шельф РФ, согласно ст. 1 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе»⁵ (далее — Закон № 187-ФЗ), включает в себя морское дно и недра подводных районов, находящихся за пределами территориального моря РФ, на всем протяжении естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней грани-

цы подводной окраины материка. Поскольку на эту территорию распространяется юрисдикция Российской Федерации, «ответственность за вред, причиненный окружающей среде на континентальном шельфе России, подчиняется по существу тому же правовому регулированию, что и ответственность за вред окружающей среде, причиненный на территории России»⁶ (за исключением трансграничного загрязнения, для которого действуют специальные правила).

В зависимости от источника загрязнения в море, в Российской Федерации применяются механизмы, предусмотренные Кодексом торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ⁷ (далее — КТМ РФ) и Международной конвенцией о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г.⁸ (далее — Конвенция об ответственности 1992 г.). Конвенция об ответственности 1992 г. достаточно широко трактует понятие «судна», однако нефтяные платформы, являющиеся потенциально опасными объектами для окружающей среды, под ее действие не подпадают. Шагом вперед в области решения проблем загрязнения в результате аварии на нефтяных платформах, которые используются на арктическом шельфе, стало принятие Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О континентальном шельфе Российской Федерации“ и Федеральный закон „О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации“»⁹ (далее — Закон № 287-ФЗ), дополнительно регулирующего отношения по возможному загрязнению нефтью с платформ, искусственных островов и иных сооружений, на которые не распространяются нормы КТМ РФ и Конвенции об ответственности 1992 г.

Вместе с тем существующее регулирование в области охраны морской среды от нефтяного загрязнения, особенно касающегося Арктики, *нельзя назвать достаточным*. Е.Н. Хмелева отмечает, что в существующих правовых условиях вред, причиненный в результате разливов нефти, «не может быть возмещен в полном объеме», о чем свидетельствуют «примеры нефтеразливов в морях, произошедшие как до, так и после принятия Закона № 287-ФЗ»¹⁰. Фактически в

¹ Разливы нефти: проблемы, связанные с ликвидацией последствий разливов нефти в арктических морях. Отчет WWF. 2011. 2-е изд., доп. С. 6. URL: <http://new.wwf.ru/resources/publications/booklets/razlivy-nefti-problemy-svyazannye-s-likvidatsiy-posledstviy-razlivov-nefti-v-arkticheskikh-moryakh/>

² Купряшкин Ю.В., Сиваков Д.О. Арктика и право в вопросах и ответах : научно-практическое пособие. М. : ДиЭмЭйДжи принт, 2014. С. 5–6.

³ Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29.04.1958) // Ведомости ВС СССР. 1964. № 28. Ст. 329.

⁴ См. подр.: Вылегжанин А.Н. Особенности правового режима континентального шельфа в Арктике // Проблемы совершенствования методики преподавания эколого-правовых и аграрно-правовых дисциплин в юридических вузах России : материалы Всероссийского научно-методологического семинара ; под ред. Г.Е. Быстрова. Казань : Татарский центр образования «Татлитмат», 2006. С. 201.

⁵ Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

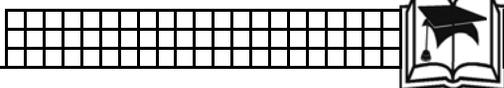
⁶ Козырь О.М., Ротарь А.А. Актуальные вопросы ответственности за загрязнение окружающей среды, причиненное в результате недропользования на шельфе // Нефть, газ и право. 2014. № 6. С. 52.

⁷ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

⁸ Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. (дополнение к Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г.) (Лондон, 27.11.1992) // Текст документа официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О континентальном шельфе Российской Федерации“ и Федеральный закон „О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7612.

¹⁰ Хмелева Е.Н. Предложения о создании Национального фонда защиты морей от нефтяного загрязнения // Нефть, газ и право. 2016. № 3. С. 41.

российских правовых условиях в связи с недостаточной развитостью правового механизма возмещения вреда меры, предусмотренные КТМ РФ, Конвенцией об ответственности 1992 г. и Законом № 287-ФЗ, не могут быть применены полностью либо недостаточны для полноценного восстановления поврежденной окружающей среды¹¹.

Эффективным элементом правового механизма охраны окружающей среды Арктики стало бы создание специального **компенсационного фонда**¹², который бы аккумулировал средства эксплуатирующих организаций и обеспечивал бы оперативное финансирование мероприятий по комплексному возмещению вреда окружающей среде. Средства такого фонда могли бы быть направлены в том числе на мероприятия по профилактике загрязнений и на ликвидацию объектов накопленного вреда окружающей среде, что представляет особый интерес в арктических условиях. Среди прибрежных арктических государств опыт создания подобных фондов имеют США и Канада. Вслед за Е.Н. Хмелевой полагаем, что изучение правовых основ и механизма таких фондов является целесообразным¹³.

Так, скажем, в Соединенных Штатах Америки, помимо Закона о Суперфонде¹⁴ и Закона о загрязнении нефтью 1990 г.¹⁵, в отношении нефтегазоразработок в Арктике действует специальное регулирование. Принятые в 2016 г. во исполнение Арктической стратегии США (NSAR)¹⁶ Правила о добыче полезных ископаемых в Арктике («О бурении в Арктике», Arctic Drilling rules, далее — ADR)¹⁷ призваны гарантировать, что «любые разведочные буровые работы в этой чрезвычайно сложной среде будут проводиться безопасным и экологически ответственным образом, одновременно за-

щищая морскую, прибрежную и человеческую среду, а также культурные традиции коренных народов Аляски»¹⁸.

В частности, предусматривается установление природоохранных требований к бурению с плавучих платформ в Босфорте и Чукотском море, согласно которым нефтяные компании должны обеспечивать надлежащий внутренний контроль и планирование предотвращения, сдерживания и реагирования на нефтяные разливы. В рамках обозначенного законодательства требуется: разработать Интегрированный эксплуатационный план, охватывающий все этапы предлагаемой программы разведки арктического шельфа, до подачи плана геологоразведки; обеспечение средствами для быстрого реагирования на потенциальные аварийные разливы, оборудованием для локализации и контроля источника загрязнения (например, укупорочные стопки и защитные купола); разработать план реагирования на разливы нефти, учитывающий уникальную природную среду арктического шельфа; прогнозировать и реагировать на ледовые условия и неблагоприятные погодные явления; эффективно управлять (и контролировать) субподрядчиков; обучать персонал на случаи разливов нефти на шельфе и другие.

Некоторые из перечисленных мер уже намечены в российском законодательстве. Развивается законодательство об охране окружающей среды Арктики при аварийных разливах нефти, утверждены правила разработки и согласования планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации.

Другое прибрежное арктическое государство, Канада, известно тем, что уделяет чрезвычайное внимание утверждению своей юрисдикции над Арктикой. Это обозначено приоритетным направлением деятельности Правительства Канады как в ее арктической стратегии, так и в ее природоохранных актах. Например, Акт о предотвращении загрязнения арктических вод 1970 г., позволяющий Канаде в интересах защиты уязвимой окружающей среды Арктики контролировать все судоходство в покрытых льдом областях Северо-Западного прохода.

Учитывая канадский опыт, одним из направлений охраны арктической морской среды может стать развитие мер по **предотвращению несанкционированного судоходства в акватории** Северного морского пути и нефтяных разливов в морских портах, по сохранению биологического разнообразия, в том числе по предотвращению гибели животных в случае разливов нефти и нефтепродуктов. Такая задача в отношении охраны окружающей среды Арктики была поставлена перед Правительством РФ Президентом РФ 7 июля 2014 г.¹⁹, в частности, предусматривается ограничение про-

¹¹ По данным природоохранной организации Greenpeace, даже крупнейшие нефтегазовые компании в настоящее время, даже при достаточных финансовых обеспечении не располагают эффективными и проверенными технологиями ликвидации аварийных разливов нефти в полярных условиях. См. подр.: Нефтегазовое освоение Арктики: какой ценой? 2011 г. URL: http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/Arcticoil/Gas_oil_development.pdf

¹² Хмелева Е.Н. Указ. соч. С. 42.

¹³ Там же.

¹⁴ Акт о комплексном реагировании, компенсации и ответственности за ущерб окружающей среде 1980 г. (Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980 (CERCLA) (также известный как Закон о Суперфонде (Superfund)) P.L. 96-510, 42 U.S.C. & (33) § 9601(14) & (33), December 11, 1980.

¹⁵ The Oil Pollution Act of 1990 (OPA) (101 H.R.1465, P.L. 101-380). URL: <https://www.epw.senate.gov/opa90.pdf>

¹⁶ Подробнее об арктических стратегиях прибрежных арктических государств см.: Доронина А.К. Вопросы охраны окружающей среды Арктики в стратегических актах прибрежных арктических государств // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 199–209.

¹⁷ Oil and Gas and Sulfur Operations on the Outer Continental Shelf — Requirements for Exploratory Drilling on the Arctic Outer Continental Shelf. Department of the Interior Bureau of Ocean Energy Management July 15, 2016 30 CFR Parts 250, 254, and 550. URL: https://www.bsee.gov/sites/bsee_prod.opengov.ibmcloud.com/files/federal-register-notice//2016-15699.pdf

¹⁸ Final Environmental Assessment on Oil and Gas and Sulfur Operations on the Outer Continental Shelf-Requirements for Exploratory Drilling on the Arctic Outer Continental Shelf. URL: https://www.bsee.gov/sites/bsee_prod.opengov.ibmcloud.com/files/final-arctic-rule-ea-6-28-16.pdf

¹⁹ Письмо Федеральной службы по надзору в сфере транспорта от 17 апреля 2008 г. № ВП-24/344 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

хода судов через морские территории особоохраняемых природных территорий, к которым относится, например, национальный парк «Русская Арктика»²⁰; 21.

Кроме рассмотренных особенностей охраны окружающей среды при осуществлении деятельности на арктическом шельфе в Арктике остро стоит вопрос **о трансграничных загрязнениях**. О.М. Козырь и А.А. Ротарь указывают, что в случае причинения экологического вреда, пусть и на территории другой страны, «возможность и основания привлечения к ответственности, а также особенности привлечения к ответственности за вред окружающей среде (включая порядок определения размера компенсации за вред, причиненный окружающей среде) будут определяться законодательством соответствующего иностранного государства»²².

Вопросы трансграничного загрязнения отдельно рассмотрены в законодательстве Норвегии. Так, ст. 54 Закона о защите против загрязнения 1981 г.²³ предусматривает возможность привлечения к ответственности за вред окружающей среде, причиненный за пределами Норвегии, если негативные последствия наступили на территории Норвегии или на территории, находящейся под юрисдикцией Норвегии. Широко используются²⁴ положения Конвенции об оцен-

ке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1997 г. (Конвенция Эспо)²⁵. Учитывая растущий интерес во взаимном сотрудничестве и количество объектов накопленного вреда²⁶, наносящих трансграничный вред между Россией и Норвегией, немаловажно обращать внимание на правовые конструкции, существующие в соседнем государстве.

Особую важность представляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды Арктики. Большим шагом²⁷ в деле охраны морской среды Арктики и арктического континентального шельфа стало одобрение Рамочного документа для образования панарктической сети особоохраняемых морских акваторий в рамках работы Международной морской организации²⁸, что позволит сохранить нетронутыми отдельные территории Северного-Ледовитого океана в стремительно меняющихся климатических и геополитических условиях.

Международным правом и законодательством прибрежных арктических государств установлен достаточно развернутый правовой механизм, позволяющий в определенной мере осуществлять охрану окружающей среды Арктики. Вместе с тем проблема изменений климата и таяния арктических льдов, растущий интерес к региону, увеличивающаяся антропогенная нагрузка и потенциальное развитие хозяйственной деятельности (прежде всего на освобождающихся ото льда водах) требуют повышенного внимания законодателей и правоприменителей. Взаимное внимание к имеющемуся правовому опыту в данной сфере может стать для России одним из способов решения природоохранных задач в Арктике.

²⁰ Учрежден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 2250-р «О создании федерального государственного бюджетного учреждения „Национальный парк „Русская Арктика“» // СЗ РФ. 2010. № 51 (часть III). Ст. 6965.

²¹ В 2013 г. за незаконный вход судна заявителя в акваторию национального парка было привлечено к административной ответственности по ст. 8.39 КоАП РФ ПАО «ГМК «Норильский никель». Постановление о привлечении к ответственности было впоследствии отменено Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 января 2014 г. по делу № А33-16538/2013. Суд счел, что у нарушителя объективно отсутствовала возможность соблюдения запретного режима плавания в национальном парке «Русская Арктика», поскольку соответствующая информация в «Извещениях мореплавателям» в соответствии с требованиями ст. 15 Федерального закона от 31 июля 1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» не публиковалась и до сведения мореплавателей не доводилась.

²² Козырь О.М., Ротарь А.А. Указ соч.

²³ Act 13 March 1981 no 6 relating to protection against pollution and relating to waste. Last amended by Act 10 December 1999 no 83. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/pollution-control-act/id171893/>

²⁴ Koivurova T. Transboundary environmental assessment in the Arctic // Impact Assessment and Project Appraisal. 2008. Vol. 26. No. 4. P. 270.

²⁵ Конвенция подписана, но не ратифицирована Российской Федерацией. Но вместе с тем на нее ссылается положение Госкомэкологии «Об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации» (утв. Приказом Госкомэкологии от 16 мая 2000 г. № 372) // Рос. газ. 2000. № 170.

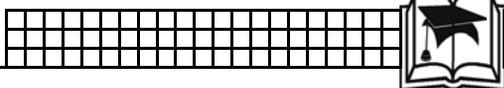
²⁶ Норвежским правительством отдельно отмечаются вопросы мониторинга состояния Баренцева моря, трансграничное загрязнение северных районов Норвегии с Кольского полуострова, где сохраняется высокий уровень индустриального и радиоактивного загрязнения (а также риски загрязнения от Кольской и Ленинградской АЭС). См. подр.: Доронина А.К. Указ. соч. С. 203.

²⁷ Morris K., Hossain K. Legal Instruments for Marine Sanctuary in the High Arctic // Laws. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 20.

²⁸ Текст доклада, подготовленного для принятия Рамочного документа для образования Панарктической сети особоохраняемых морских акваторий, на английском языке см.: URL: http://www.pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf

Литература

1. Вылегжанин А.Н. Особенности правового режима континентального шельфа в Арктике / А.Н. Вылегжанин // Проблемы совершенствования методики преподавания эколого-правовых и аграрно-правовых дисциплин в юридических вузах России : материалы Всероссийского научно-методологического семинара ; под ред. Г.Е. Быстрова. Казань : Татарский центр образования «Таглитат», 2006. 364 с.
2. Доронина А.К. Вопросы охраны окружающей среды Арктики в стратегических актах прибрежных арктических государств / А.К. Доронина // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 199–209.
3. Козырь О.М. Актуальные вопросы ответственности за загрязнение окружающей среды, причиненное в результате недропользования на шельфе / О.М. Козырь, А.А. Ротарь // Нефть, газ и право. 2014. № 6. С. 51–59.
4. Купряшкин Ю.В. Арктика и право в вопросах и ответах : научно-практическое пособие / Ю.В. Купряшкин, Д.О. Сиваков. М. : ДиЭмЭйДжи принт, 2014. 315 с.
5. Хмелева Е.Н. Предложения о создании Национального фонда защиты морей от нефтяного загрязнения / Е.Н. Хмелева // Нефть, газ и право. 2016. № 3. С. 41–44.

6. Koivurova T. Transboundary environmental assessment in the Arctic / T. Koivurova // Impact Assessment and Project Appraisal. 2008. Vol. 26. No. 4. P. 270.
7. Morris K. Legal Instruments for Marine Sanctuary in the High Arctic / K. Morris, K. Hossain // Laws. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 20.
8. Profeta T. U.S., Canada Ban Arctic Drilling / T. Profeta // Changing Planet. 22.12.2016. URL: <http://voices.nationalgeographic.com/2016/12/22/u-s-canada-ban-arctic-drilling/>

References

1. Vylegzhanin A.N. Osobennosti pravovogo rezhima kontinentalnogo shelfa v Arktike [Peculiarities of the Legal Regime of the Arctic Continental Shelf] / A.N. Vylegzhanin // Problemy' sovershenstvovaniya metodiki prepodavaniya ekologo-pravovy'kh i agrarno-pravovy'kh distsiplin v yuridicheskikh vuzakh Rossii : materialy' Vserossiyskogo nauchno-metodologicheskogo seminaru ; pod red. G.E. Bystrova. Kazan : Tatarskiy tsentr obrazovaniya «Taglimat» — Issues of Improvement of the Methodology of Environmental Law and Agrarian Law Course Teaching in the Russian Legal Higher Educational Institutions : Files of the All-Russian Scientific and Methodological Seminar ; edited by G.E. Bystrov. Kazan : Taglimat Tatar Educational Center, 2006. 364 s.
2. Doronina A.K. Voprosy' okhrany' okruzhayushey sredey' Arktiki v strategicheskikh aktakh pribrezhny'kh arkticheskikh gosudarstv [Arctic Environment Protection Issues in Strategic Acts of Coastal Arctic States] / A.K. Doronina // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal — Russian Law Journal. 2016. № 5. S. 199–209.
3. Kozyr O.M. Aktualny'e voprosy' otvetstvennosti za zagryaznenie okruzhayushey sredey', prichinennoe v rezultate nedropolzovaniya na shelfe [Relevant Issues of Liability for Environmental Pollution Resulting from Subsoil Use on the Shelf] / O.M. Kozyr, A.A. Rotar // Neft, gaz i pravo — Oil, Gas and Law. 2014. № 6. S. 51–59.
4. Kupryashkin Yu.V. Arktika i pravo v voprosakh i otvetakh : nauchno-prakticheskoe posobie [The Arctic and Law in Questions and Answers : research and practical guide] / Yu.V. Kupryashkin, D.O. Sivakov. Moskva : DiEmEyDzhi print — Moscow : DMAG Print, 2014. 315 s.
5. Khmeleva E.N. Predlozheniya o sozdanii Natsionalnogo fonda zashchity' morey ot neftyanogo zagryazneniya [Proposals for Establishment of a National Fund for Protection of Seas from Oil Pollution] / E.N. Khmeleva // Neft, gaz i pravo — Oil, Gas and Law. 2016. № 3. S. 41–44.
6. Koivurova T. Transboundary Environmental Assessment in the Arctic / T. Koivurova // Impact Assessment and Project Appraisal. 2008. Vol. 26. No. 4. S. 270.
7. Morris K. Legal Instruments for Marine Sanctuary in the High Arctic / K. Morris, K. Hossain // Laws. 2016. Vol. 5. № 2. S. 20.
8. Profeta T. U.S., Canada Ban Arctic Drilling / T. Profeta // Changing Planet. 22.12.2016. URL: <http://voices.nationalgeographic.com/2016/12/22/u-s-canada-ban-arctic-drilling/>.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-38-42

Развитие конституционного законодательства республик в постсоветский период

Сафина С.Б.*

Цель: анализ развития конституционного законодательства республик в составе Российской Федерации, а также особенностей структуры и содержания республиканских конституций в постсоветский период. **Методология:** диалектический метод, методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод. **Выводы.** Конституционное законодательство республик на протяжении всего периода своего развития, начиная с 1920-х годов, опиралось на союзные и российские конституции. В 1990-е годы большое влияние на конституционное законодательство республик оказало принятие республиками деклараций о государственном суверенитете и заключение договоров с Российской Федерацией о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий. В связи с тем, что к 2000 г. республиканские конституции содержали большое количество норм, противоречащих федеральной Конституции, в дальнейшем они подверглись существенной коррекции на основе решений Конституционного Суда РФ. В настоящее время конституционное законодательство республик характеризуется соответствием Конституции РФ, умеренным разнообразием и относительной стабильностью. **Научная и практическая значимость.** Выявлены основные этапы формирования и развития конституционного законодательства республик. Проанализированы особенности республиканских конституций, их соотношение с федеральной Конституцией на каждом этапе развития. Обозначены ключевые обстоятельства, повлиявшие на содержание конституционного законодательства республик. Показана его эволюция от стадии формирования до сегодняшних дней.

Ключевые слова: постсоветский период, конституции, декларации о государственном суверенитете, Конституционный Суд РФ.

Development of Constitutional Laws of Republics in the Post-Soviet Period

Safina S.B.**

Purpose. Development analysis republic constitutional legislation in the Russian Federation, as well as special aspects of the structure and the content of the republic constitution in the post-Soviet period. **Methodology:** dialectical method, analysis and synthesis method, rather-legal method, technical legal method. **Conclusions.** In 1990s the great influence on the republic constitutional legislation has been made by adoption of the state sovereignty declaration and execution of an agreement with the Russian Federation delineation of jurisdiction and mutual power delegation. With regard to that by 2000 republic constitutions have been contained the great number of regulations contravene of federal constitution, hereinafter they have been corrected on the basis of the Russian Federation constitutional court decisions. Meantime the republic constitutional legislation characterizes constitutionality of the Russian Federation, reasonable variety and stability. **Scientific and practical significance.** There have been found out the main stages of the republic constitutional legislation development. There also have been specified the key facts that were influenced on the republic constitutional legislation content. And the development from the stages of formation to present day has been presented.

Keywords: post-soviet period, the Constitution, state sovereignty declarations, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Признание автономных республик в начале 1990-х годов субъектами Союза ССР, уравнивание их с союзными республиками¹, предложения определять отношения между автономными республиками и союзными республиками, в состав которых они входят, соглашениями и договорами создали основу для разработки и принятия республиками деклараций о государственном суверенитете, а в

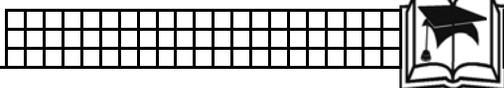
дальнейшем для последовавшего за этим так называемого парада суверенитетов.

Принятые в 1990–1991-х годах декларации о государственном суверенитете в республиках Северная Осетия, Карелия, Коми, Татария, Якутия, Удмуртия, Бурятия, Башкирия, Калмыкия, Марийской, Чувашской, Тувинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской республиках, а также декларация Мордовии о государственно-правовом статусе Мордовской ССР и Постановление съезда народных депутатов ДАССР «О государственном статусе Дагестанской АССР» послужили фундаментом для разработки и принятия новых республиканских конституций. Практически все республики отказались от автономного статуса,

¹ Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 270; Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 329.

* **САФИНА СВЕТЛАНА БОРИСОВНА**, заведующая кафедрой конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент, svetlanasafina@mail.ru

** **SAFINA SVETLANA B.**, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

провозгласили государственный суверенитет и верховенство республиканских законов на территории республик, а также объявили декларации юридической основой для обновления своего конституционного законодательства. Некоторые декларации не содержали упоминания о нахождении республик в составе РСФСР, допускали возможность выхода республики из состава СССР и РСФСР и ограничение на территории республики действия правовых актов, не соответствующих ее суверенному статусу и т.д. Вопрос о соответствии Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан Конституции РСФСР стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 13 марта 1992 года № 3-П² признал положения названной Декларации не соответствующими Конституции РСФСР.

В результате принятия республиканских деклараций, закрепивших повышение правового статуса автономных республик и исключаящих из названия республик слово «автономия», установилось новое официальное наименование республик — «республики в составе РСФСР»³. Анализируя значение деклараций, ученые отмечали, что они «противоречили всем действующим в стране конституциям и знаменовали собой революционный разрыв конституционного поля. Республики... в одностороннем порядке устанавливали свой новый государственный статус, объявляли о своем суверенитете и о необходимости изменения всего конституционного законодательства»⁴.

Большое политико-правовое влияние на конституционное законодательство республик и в целом на российское законодательство имело подписание Российской Федерацией и ее субъектами 31 марта 1992 г. Федеративного договора, в соответствии с которым республики в составе Российской Федерации определялись суверенными, образованными по национально-территориальному принципу, имели собственные конституции, высшие органы государственной власти, располагали широкими полномочиями в сфере правотворчества, экономики, финансов, экологии, социально-культурных вопросах. Федеративный договор был включен в действующую на тот момент Конституцию России. Как следствие, многие республиканские конституции закрепили положения о дого-

ворном характере отношений с Российской Федерацией и стали заключать с ней двусторонние договоры о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий. Таким образом, наряду с декларациями конституционное законодательство республик пополнилось и внутригосударственными договорами. В некоторых республиках договоры о разграничении предметов ведения и полномочий включались в тексты республиканских конституций⁵.

Двусторонние договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти республик в юридической литературе получили неоднозначную оценку. Политическое значение этих договоров многие авторы видели в снятии напряжения между федеральным центром и регионами, в попытке преодолеть имеющиеся противоречия. Юридическое же значение выразилось в «размывании» конституционного механизма разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, в нарушении принципа равенства субъектов Федерации в отношениях с федеральным центром и, как следствие, в обострении проявлений асимметричности Российской Федерации. О.Е. Кутафин назвал эти двусторонние договоры «ярким выражением процессов суверенизации и сепаратизма в России»⁶. В обоснование своей точки зрения он писал: «О том, до каких пределов доходило договорное регулирование в рамках единого федеративного государства, свидетельствует Договор „О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия“, подписанный 12 мая 1997 г. В Договоре было использовано неконституционное наименование Чеченской Республики. В нем говорилось о „равноправных отношениях“ „высоких договаривающихся сторон“, которые должны строиться „в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права“. Поскольку этот Договор был заключен в рамках единого государства, речь шла фактически о признании прекращения федеративных отношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой»⁷.

Не оспаривая негативных последствий договорного процесса в разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и республиками, следует отметить, что заключение договоров явилось результатом объективных обстоятельств. Нечетко закрепленный в федеральной конституции правовой статус республик, непоследовательность ряда решений федерального центра во взаимоотношениях с ними послужили причиной наличия большого количества коллизионных положений в респу-

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 г., Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 г. „Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР“, Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 г. „О референдуме Татарской ССР“, постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 г. „О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан“ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 671.

³ Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776.

⁴ Республика в системе российского федерализма / сост. и науч. ред. Б.Л. Железнов. Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. С. 34.

⁵ Например, Договор между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан был включен в качестве части I Конституции Республики Башкортостан в ее редакции от 3 ноября 2000 г.

⁶ Кутафин О.Е. Российская автономия. М. : Проспект, 2006. С. 289.

⁷ Там же. С. 295.

бликанском конституционном законодательстве. Как верно отмечалось в литературе, «отсутствовала продуманная государственная концепция дальнейшего развития федеративных отношений, очевидны были изъяны в федеративном государственном строительстве»⁸. Договорное регулирование в этой связи нередко восполняло имеющиеся конституционные пробелы.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ исключила из своего текста Федеративный договор и не включила в конституционные положения понятие «суверенные» республики, использованное в тексте Федеративного договора. В Заключительных и переходных положениях российская Конституция установила юридическое верховенство своих норм над положениями Федеративного и иных договоров. Кроме того, на конституционном уровне были закреплены основные признаки государственного суверенитета Российской Федерации: неприкосновенность ее границ и территориальную целостность; верховенство федерального права над правом субъектов Федерации; единство бюджетной и финансовой, банковской и денежной систем, экономического пространства; единую армию и оборону; самостоятельную внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность; владение основными стратегическими природными ресурсами, производствами и товарами.

При этом в 1990-е годы примерно пятая часть общего массива региональных правовых актов (включая конституции и уставы субъектов РФ) противоречили федеральной Конституции. Некоторые из республик в своих новых конституциях, принятых уже после вступления в действие федеральной Конституции 1993 г., вновь определили себя суверенными государствами. В конституционном законодательстве республик, например, устанавливалось право приостановления действия законов и иных актов федерального уровня, если они противоречат конституциям или законам республик (конституции республик Саха (Якутия), Дагестан, Тыва, Коми). Нередко закреплялось перераспределение предметов ведения Российской Федерации в ведение республик. Например, отдельные республики закрепляли за собой: право принятия решений по вопросам войны и мира и объявления военного положения (Тыва); право установления порядка введения чрезвычайного положения на территории республики (Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Коми, Тыва, Северная Осетия и др.); право определения всех природных ресурсов, находящихся на территории республики, ее собственностью (Ингушетия, Саха (Якутия), Тыва); право регулирования международных отношений и вопросов внешней политики; право самостоятельно заключать международные договоры и выступать участником международных отно-

шений (Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Коми, Татарстан, Тыва и др.).

В целях повышения степени своей государственности в республиках активно формировалось свое законодательство. При этом немалая часть нормативных правовых актов республик практически дублировала федеральные акты, что вело к искусственному расширению массива республиканского законодательства, не обусловленного его реальной необходимостью и, как следствие, не обеспеченного его реальным применением. В этих же целях предпринимались и другие шаги. В юридической литературе отмечалось, что в республиках «введение поста Президента рассматривалось как укрепление суверенитета, повышение самостоятельности республик»⁹.

Исходя из текстов республиканских конституций 1990-х годов, можно констатировать, что во многих из них фактически обнаруживался отказ от признания основ конституционного строя и принципов федеративного устройства России. По оценке Г.Т. Чернобеля, в 19 из 21 республик в составе РФ были приняты конституционные акты, которые не соответствовали федеральной Конституции¹⁰. Как отмечал С.А. Авакьян, «по разным данным, на то время в целом не менее 40 процентов, а в некоторых субъектах РФ не менее 60 процентов законодательства противоречило федеральному законодательству»¹¹.

Причиной принятия конституций и уставов субъектов РФ, не всегда и не полностью соответствующих федеральной Конституции, послужило то, что центр и регионы не пришли к единому мнению на оптимальную модель федеративного устройства, на понимание форм и способов разделения предметов ведения и полномочий, на проблемы суверенитета и связанные с ним вопросы политической и экономической самостоятельности. Также на тот момент отсутствовал правовой механизм приведения в соответствие с федеральным законодательством актов субъектов Федерации, невозможность применения санкций за принятие и реализацию актов, нарушающих Конституцию РФ¹². Как следствие, республиканские власти в своем конституционном законодательстве закрепляли собственное видение решения вопросов.

Очевидно, сложившаяся конфликтная ситуация в правовой системе РФ требовала соответствующего разрешения. Без обеспечения целостности и единства российского конституционного законодательства функцио-

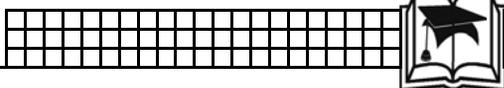
⁸ Гумашвили Л.Э. Характерные черты модели российского федерализма в положениях конституций Российской Федерации и Чеченской Республики // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 52.

⁹ Гунаев Е.А. Становление и развитие конституционного строя Республики Калмыкия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. С. 19.

¹⁰ Чернобель Г.Т. Противоречия и пробелы в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Проблемы их преодоления // Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. С. 124.

¹¹ Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 4.

¹² Сафина С.Б. Законодательство субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000.

нирование государственно-правовых институтов стало невозможно. Необходимо было гарантировать верховенство федеральной Конституции и ее прямое действие на всей территории РФ, подразумевающее, во-первых, что для ее применения не требуется обязательное издание дополнительных нормативных правовых актов, а во-вторых, что нормы федеральной Конституции не нуждаются в одобрении (ратификации) субъектов Федерации, не могут быть ими аннулированы и должны непосредственно исполняться на территории каждого из субъектов органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, учреждениями, предприятиями, гражданами¹³. Как верно было замечено, «затянувшаяся суверенизация субъектов Федерации должна была получить официальную правовую оценку с тем, чтобы в легитимном отношении внести ясность по концептуальным вопросам государственного суверенитета, предопределяющим содержание конституционного и текущего законодательства в регионах»¹⁴. В этом отношении принципиальное, решающее значение сыграли правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные им в принятом им Постановлении от 7 июня 2000 г.¹⁵, а также в Определении от 27 июня 2000 г.¹⁶ Конституционный Суд РФ признал не соответствующими федеральной Конституции положения статей оспариваемых основных законов республик и подтвердил свои правовые позиции, высказанные в ранее принятых им решениях, касающихся суверенитета Российской Федерации, ее конституционной, а не договорной природы, верховенства федерального права и федерального законодательного разграничения предметов ведения и полномочий, недопустимости передачи предметов ведения Российской Федерации субъекту Федерации. Согласно правовым позициям Конституционного Суда, суверенитет Российской Федерации исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни ре-

¹³ Там же.

¹⁴ Конохова (Умнова) И.А. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжков. М.: Городец-издат, 2002. С. 123.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3117.

спублик, ни иных субъектов РФ. В связи с этим республики не вправе наделять себя свойствами суверенного государства, даже при условии, что их суверенитет признавался бы ограниченным.

Таким образом, указанные решения Конституционного Суда РФ явились правовым основанием для корректировки положений конституционного законодательства республик. В дальнейшем, при участии федеральных судебных органов и органов прокуратуры, в конституционные тексты республик за период 2000–2002 годов были внесены многочисленные изменения, учитывающие правовые позиции Конституционного Суда РФ. При закреплении государственно-правового статуса республики из всех республиканских конституций (кроме Конституции Республики Татарстан) было исключено понятие суверенитета республики, и некоторые конституции стали использовать понятие «государственность республики». В соответствии с изменениями в федеральном законодательстве после 2002 г. в текстах республиканских конституций исчезло понятие «гражданство республики» (кроме Республики Татарстан), а до 1 января 2015 г. все республики, главы которых назывались президентами, отказались от этого наименования (кроме Республики Татарстан).

Учитывая значительный объем изменений, которые необходимо было внести в конституционные тексты на уровне республик, в начале 2000-х годов некоторые республики заново приняли свои обновленные конституции. Например: Республика Тыва приняла новую конституцию в 2001 г. взамен ранее действующей с 1993 г.; Республика Дагестан — в 2003 г. взамен действующей с 1994 г.; Чеченская Республика — в 2003 г. взамен действующей с 1994 г. Таким образом, в начале 2000-х годов можно было говорить о практическом завершении процесса приведения республиканских конституций в соответствие с Конституцией РФ.

Впоследствии основанием вносимых в республиканские конституции поправок послужили многочисленные изменения федерального законодательства, в частности, изменения Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Изменения коснулись порядка формирования и деятельности законодательного (представительного) органа республики, правового статуса высшего должностного лица республики, иных органов государственной власти на уровне республик. Как следствие, соответствующим изменениям подверглись и иные акты конституционного законодательства республик.

В настоящее время конституционное законодательство республик в целом характеризуется как соответствующее федеральной Конституции и федеральному законодательству. Оно встроено в единую правовую систему России и наряду с федеральным законодательством га-

рантирует условия для функционирования Российской Федерации как целостного государства в едином политиче-

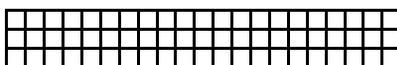
ском и экономическом пространстве и с едиными основами правового статуса личности.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 2–7.
2. Гумашвили Л.Э. Характерные черты модели российского федерализма в положениях конституций Российской Федерации и Чеченской Республики / Л.Э. Гумашвили // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 50–53.
3. Гунаев Е.А. Становление и развитие конституционного строя Республики Калмыкия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Гунаев. Ставрополь, 2012. 25 с.
4. Колюхова (Умнова) И.А. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации / И.А. Колюхова (Умнова) // Конституционное право субъектов Российской Федерации ; отв. ред. В.А. Кряжков. М. : Городец-издат, 2002. 864 с.
5. Кутафин О.Е. Российская автономия / О.Е. Кутафин. М. : Проспект, 2006. 768 с.
6. Республика в системе российского федерализма / сост. и науч. ред. Б.Л. Железнов. Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. 148 с.
7. Сафина С.Б. Законодательство субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / С.Б. Сафина. Уфа, 2000. 173 с.
8. Чернобель Г.Т. Противоречия и пробелы в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Проблемы их преодоления / Г.Т. Чернобель // Закон: создание и толкование ; под ред. А.С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. 283 с.

References

1. Avakyan S.A. Konstitutsionno-pravovy'e problemy' tsentralizma, demokrati i detsentralizatsii v sovremennom gosudarstve [Constitutional Law Issues of Centralism, Democracy and Decentralization in the Modern State] / S.A. Avakyan // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2005. № 8. S. 2–7.
2. Gumashvili L.E. Kharakterny'e cherty' modeli rossiyskogo federalizma v polozheniyakh konstitutsiy Rossiyskoy Federatsii i Chechenskoy Respubliki [Characteristic Attributes of the Russian Federalism Model in Provisions of the Constitutions of the Russian Federation and the Chechen Republic] / L.E. Gumashvili // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2011. № 4. S. 50–53.
3. Gunaev E.A. Stanovlenie i razvitiie konstitutsionnogo stroya Respubliki Kalmykiya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Establishment and Development of the Constitutional Structure of the Republic of Kalmykia : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.A. Gunaev. Stavropol — Stavropol, 2012. 25 s.
4. Konyukhova (Umnova) I.A. Konstitutsionno-pravovoy status subyektov Rossiyskoy Federatsii [The Constitutional Law Status of the Constituent Entities of the Russian Federation] / I.A. Konyukhova (Umnova) // Konstitutsionnoe pravo subyektov Rossiyskoy Federatsii ; otv. red. V.A. Kryazhkov. Moskva : Gorodets-izdat — Constitutional Law of the Constituent Entities of the Russian Federation; publishing editor V.A. Kryazhkov. Moscow : Gorodets-izdat, 2002. 864 s.
5. Kutafin O.E. Rossiyskaya avtonomiya [Russian Autonomy] / O.E. Kutafin. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2006. 768 s.
6. Respublika v sisteme rossiyskogo federalizma ; sost. i nauch. red. B.L. Zheleznov [A Republic in the System of Russian Federalism ; compiler and science editor B.L. Zheleznov]. Kazan : Kazan. gos. un-t — Kazan : Kazan State University, 2010. 148 s.
7. Safina S.B. Zakonodatelstvo subyektov Rossiyskoy Federatsii: voprosy' teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk [Legislation of the Constituent Entities of the Russian Federation: Issues of Theory and Practice : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.B. Safina. Ufa — Ufa, 2000. 173 s.
8. Chernobel G.T. Protivorechiya i probely' v konstitutsiyakh i ustavakh subyektov Rossiyskoy Federatsii. Problemy' ikh preodoleniya [Discrepancies and Gaps in the Constitutions and Charters of the Constituent Entities of the Russian Federation. Overcoming Issues] / G.T. Chernobel // Zakon: sozdanie i tolkovanie ; pod red. A.S. Pigolkin. Moskva : Spark — Law: Making and Interpretation ; edited by A.S. Pigolkin. Moscow : Spark, 1998. 283 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2018-4-43-47

Трансформация права граждан на свободу мнения в сети Интернет*

Иванова К.А.**

Цель. Цель научной статьи состоит в изучении современного информационного общества, а также в рассмотрении условий развития глобальных информационно-коммуникационных сетей, системы глобального обмена информацией. Автором для достижения поставленной цели изучено текущее правовое регулирование свободы слова. **Методология.** В статье применены общенаучные методы системного анализа и синтеза, а также частнонаучные методы: сравнительный, социологический. Использование методов анализа и синтеза позволит определить ключевые для исследования научные понятия. Кроме того, будет использован институциональный метод исследования. На его основе, в частности, выявлено своеобразие форм регулирования права на свободу мнения, специфику регулирования ограничений данного права. В статье сделан вывод о том, что существующее регулирование не соответствует уровню развития общественных отношений. Факт отсутствия каких-либо правовых инструментов, способных препятствовать фальсификации информации в средствах массовой информации, говорит о наличии проблем в области обеспечения права граждан на свободу выражения мнения в киберпространстве, что обеспечивает актуальность проведенного исследования. **Научная и практическая значимость.** В рамках исследования был осуществлен комплексный научный теоретико-правовой анализ конституционно-правовой категории «право граждан на свободу мнения» в киберпространстве, проведено сравнение российского и зарубежного законодательства. **Выводы.** Было предложено структурирование понятия «право на свободу мнения в киберпространстве на отдельные элементы». Следуя логике предложенной классификации, автором в статье предложены основные направления совершенствования правового регулирования данного права. Значимость исследования составляют предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере закрепления права граждан на свободу мнения, а также дальнейшему развитию механизмов реализации данного права в киберпространстве.

Ключевые слова: гражданское общество, право граждан на свободу мнения, электронные ресурсы, общественный контроль.

Transformation of the Civil Right to the Freedom of Expression in the Internet***

Ivanova K.A.****

Purpose. The purpose of the scientific article is to study the modern information society, as well as to consider the conditions for the development of global information and communication networks, the global information exchange system. The author has studied the current legal regulation of freedom of speech to achieve this goal. **Methodology.** The article applies general scientific methods of system analysis and synthesis, as well as private scientific methods: comparative, sociological. The use of methods of analysis and synthesis will determine the key scientific concepts for research. In addition, an institutional research method will be used. On its basis, in particular, the originality of the forms of regulation of the right to freedom of opinion has been revealed; specificity of regulation of restrictions of this right. The article concludes that the existing regulation does not correspond to the level of development of public relations. The fact that there are no legal instruments that can prevent the falsification of information in the media indicates that there are problems in ensuring the right of citizens to freedom of expression in cyberspace, which ensures the relevance of the study. **Scientific and practical significance.** Within the framework of the research, a complex scientific theoretical and legal analysis of the constitutional and legal category "the right of citizens to freedom of opinion" in cyberspace was carried out; a comparison of Russian and foreign legislation. **Results.** It was suggested that the concept of the right to freedom of opinion in cyberspace be structured into separate elements. Following the logic of the proposed classification, the author proposes the main directions of improving the legal regulation of this right. The significance of the study is made by proposals to improve Russian legislation in the sphere of securing the right of citizens to freedom of opinion, as well as further development of mechanisms for the realization of this right in cyberspace.

Keywords: civil society, citizens' right to the freedom of expression, electronic resources, public control.

* Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, номер проекта МК-2440.2018.6.

** ИВАНОВА КСЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Тюменский государственный университет, k.a.ivanova@utmn.ru

*** The article has been funded by the Presidential Grant Council of the Russian Federation, project No. МК-2440.2018.6.

**** IVANOVA KSENIA A., Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Tyumen State University

Согласно ст. 10 «Свобода выражения мнения» Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод»¹:

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий;

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Конституция РФ 1993 г. признает и защищает права каждого человека не только иметь свои взгляды, но и пропагандировать их, беспрепятственно действовать в соответствии со своими убеждениями.

К числу принципов, положенных в основу современной российской доктрины прав человека, относятся отказ от приоритета государственных интересов перед интересами личности и признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. Сегодня государство рассматривается в качестве представителя общества, несущего перед ним и составляющими его гражданами определенные обязанности и ответственность, а не как самая массовая организация трудящихся².

В соответствии со ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова. С правом на свободу мысли и слова корреспондируют такие конституционные права, как свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), свобода массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), свобода совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ). В совокупности они составляют конституционно-правовой институт, гарантирующий личности возможность свободно выражать и распространять мысли и идеи, мнения и убеждения, в том числе и не совпадающие с официальной позицией на существующий политический, экономический, социальный порядок в стране,

словами или любыми иными законными способами, например посредством художественных приемов, без какого-либо вмешательства со стороны третьих лиц и прежде всего государства. Никого также нельзя принуждать к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ).

При этом в современных условиях Интернет радикально изменил способ доступа к информации и общению путем создания новых возможностей для укрепления демократии и новых путей для выражения своего мнения. Интернет представляет собой совокупность широкого спектра идей, технологий, ресурсов и стратегий, разработанных на основе утверждения свободы и коллективных усилий в общих интересах. Он обеспечивает свободу для свободы, облегчает осуществление основных прав, участие в демократических процессах, а также социальную и коммерческую деятельность. К сожалению, помимо несомненных плюсов в настоящее время Интернет также может использоваться для ограничения прав человека и совершения преступлений, таких как публикация высказываний экстремистской направленности.

Подобная тенденция характерна для всего мира, дискуссии об управлении Интернетом происходят в настоящее время в разных национальных и международных контекстах. Совет Европы принимает активное участие в этих дискуссиях и находится в процессе переговоров со странами — членами Совета Европы по защите прав человека и основных свобод.

При регулировании и исследовании права граждан на свободу выражения мнения в сети Интернет можно выделить следующие три ключевых аспекта.

1. Защита права на свободу выражения гражданами своего мнения и своей позиции в сети Интернет.

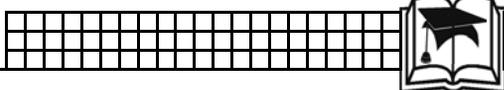
Следует отметить, что результатом проводимых в Российской Федерации реформ государственного управления стало возникновение модернизированных форм общественных инициатив, а именно электронных. Так, в настоящее время у граждан РФ есть возможность представить предложения и законопроекты (проекты муниципальных правовых актов) посредством сети Интернет на сайт «Российская общественная инициатива». Вместе с тем существенным прогрессом в доступности общественных инициатив стала возможность подачи обращений в органы государственной власти и органы местного самоуправления в электронной форме.

Указанные нововведения увеличивают степень вовлеченности граждан РФ в общественную и политическую жизнь страны, способствуют повышению активности граждан при их участии в общественных инициативах и в конечном итоге способствуют налаживанию конструктивного диалога между властью и обществом.

При этом по-прежнему сохраняется низкий уровень информированности общества о существующих возможностях выражать свое мнение посредством электронных

¹ Европейская конвенция от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс] // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

² Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.

форм, также законодательно не урегулированы способы защиты и самозащиты данного права в интернет-среде. Также именно в киберпространстве возникает необходимость тщательно определить термин «публичное выражение мнения».

2. Право на свободу выражения своего мнения тесно связано с правом на доступ к информации и правом на ее распространение.

Право свободно выражать свое мнение включает право получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ, а также предполагает возможность выразить свое мнение и его как совокупность информации передать другому субъекту, у которого, в свою очередь, возникает право эту информацию получить. В ст. 5 Основного закона ФРГ сказано: «Свобода печати и информации посредством радио и кино гарантируется». Статьей 21 Конституции Италии установлено, что «все имеют право свободно выражать свои мысли устно, письменно и любым иным способом их распространения. Печать не может подлежать разрешению или цензуре». В ст. 19 Конституции Японии указано, что «свобода мысли и совести не должна нарушаться», а ст. 21 гарантирует свободу слова, печати и всех иных форм выражения мнений³.

Относительно идеи права человека и гражданина на информацию она связана, прежде всего, со стремлением индивидов получать достоверную официальную информацию. Данные права нацелены на то, чтобы дать возможность контролировать действия правительства и защищаться от превышения полномочий государственными органами и их представителями. При этом очевидно, что возникает следующий аспект данного права: право на получение и распространение достоверной информации.

В условиях информационного общества, развития глобальных информационно-коммуникационных сетей, системы глобального обмена информацией, отсутствия физических границ в виртуальном пространстве и фактически полной свободы и анонимности в сети Интернет текущее правовое регулирование свободы информации, на наш взгляд, не соответствует уровню развития общественных отношений, поскольку допускает наличие так называемой информационной войны, допущение возможности практически мгновенно распространять ложные сведения, а также преобладание единой точки зрения на события, не получившие должной правовой оценки.

В ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»⁴ содержится правовая норма, закрепляющая не-

допущение злоупотребления свободой массовой информации. Данная норма касается отдельных видов общественно вредной информации, а также информации, которая может причинить вред отдельным категориям лиц (несовершеннолетним), и пр. При этом данная норма не затрагивает вопросы качества информации, что, как представляется, с учетом значимости достоверной и достаточной информации в процессе принятия политических решений, в правотворческой деятельности является фундаментальной проблемой современного информационного общества.

В этом разрезе представляется крайне важным исследовать и предложить для законодательного закрепления критерии правомерной и неправомерной информации, однако не менее важной представляется необходимость установления правовых критериев качества информации, которая не нарушает права и свободы граждан, однако при этом может наблюдаться злоупотребление свободой массовой информации.

3. Ограничения права на свободу выражения мнения в киберпространстве, а также противодействие экстремизму в сети Интернет.

Интернет предоставляет пользователям такие возможности независимо от государственных границ по поиску, получению и передаче информации как ни одно из средств массовой информации. Европейский суд установил, что доступ к Интернету является составной частью права на доступ к информации, и, таким образом, право на беспрепятственный доступ к Интернету также должно быть признано. Государство должно предпринимать меры для обеспечения того, чтобы Интернет был доступным, в том числе в отношении оплаты, безопасным, надежным и непрерывным. Каждый человек должен иметь возможность пользоваться государственными интернет-услугами независимо от возраста, пола, этнического или социального происхождения, включая малообеспеченных граждан, лиц, проживающих в сельских или отдаленных районах, а также граждан с особыми нуждами, таких как инвалиды.

Международным комитетом по правам человека предпринималась попытка установить границы права на свободу слова. Установлено, что любой человек вправе придерживаться своего мнения, а также свободно выражать его, т.е. свободно искать, получать и распространять любую информацию и идеи вне зависимости от государственных границ, при этом способ реализации этого права остается на усмотрение самого лица. Вместе с тем отмечается, что на лицо, реализующее право на свободу слова, накладываются особая обязанность и ответственность, что, в свою очередь, предполагает установление ограничений, которые должны быть определены на законодательном уровне в целях уважения прав и репутации других лиц, а также для

³ Основной закон ФРГ. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>; Конституция Италии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=148>; Конституция Японии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=37>

⁴ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) «О средствах массовой информации» // Рос. газ. 1992. № 32.

охраны государственной безопасности, общественного порядка.

В настоящее время европейское законодательство следует по пути строгой регламентации ограничительных мер. В частности, ограничительные меры по блокированию, установлению фильтров, изъятию интернет-контента применяются только в строгом соответствии со ст. 10 Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» (далее — Конвенция), а именно они должны быть предусмотрены законом, преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных в ст. 10 Конвенции, и быть необходимыми в демократическом обществе.

В конце 2015 г. Швейцарский институт сравнительного законодательства Совета Европы изучил вопрос о блокировании, установлении фильтров и изъятии интернет-контента. Исследование касалось законодательства, которое предусматривает ограничительные меры, например, в области защиты авторских прав, борьбы с детской порнографией, антитеррористических мер, клеветы и других сфер, обращая особое внимание на процессуальный аспект и гарантии свободы выражения мнения⁵.

В большинстве государств-членов законодательство отвечало требованию того, что оно предписано законом, преследует законную цель и необходимо в демократическом обществе в соответствии со ст. 10 Конвенции. Исключения касались, в частности, законов о разжигании ненависти и контртеррористических мерах.

Некоторые государства-члены разработали специальное законодательство об Интернете, которое способствует большей правовой определенности и предсказуемости. Часто приводятся следующие основания для блокирования или установления фильтров в Интернете: защита национальной безопасности, территориальной целостности и общественного порядка (например, при угрозе терроризма), предотвращение беспорядков и преступлений, таких как детская порнография, охрана здоровья и нравственности, защита репутации и прав других лиц (например, от клеветы, вмешательства в личную жизнь, нарушения прав на интеллектуальную собственность), предотвращение раскрытия конфиденциальной информации, предотвращение незаконной игровой деятельности.

В целом наибольшую тревогу вызывают случаи, когда блокирование, установление фильтров и удаление интернет-контента не имеют правовых оснований и не урегулированы какими-либо нормами. В большинстве государств-членов отсутствуют особые правовые нормы, всесторонне регулирующие этот вопрос. В результате

данные меры часто не урегулированы специальным законодательством об Интернете.

Большинство государств — членов Совета Европы не предусматривают наличия специальных правил по общему контролю за пользователями Интернета. Некоторые страны разработали политику, направленную на усиление контроля за онлайн-контентом в целях предотвращения распространения запрещенных материалов (например, Армения, Азербайджан, Республика Молдова, Российская Федерация, Турция). В некоторых случаях специальным административным органам поручено, помимо прочего, осуществлять управление интернет-ресурсами (например, управление основным доменом в Республике Молдова) или общее управление Интернетом (например, в Российской Федерации)⁶.

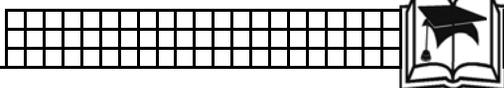
В российской правоприменительной практике за последние пять лет сформировалась тенденция ограничения в реализации права на свободу выражения мнения — привлечение к уголовной ответственности за высказывания в сети Интернет, а также за репосты и перепосты чужих записей. Чаще всего граждан России привлекают к уголовной ответственности за репосты и перепосты по следующим статьям Уголовного кодекса РФ: 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»; 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; 354.1 «Реабилитация нацизма».

Следовательно, устанавливаемые государством ограничения права на свободу слова должны быть соразмерны охраняемым Конституцией и другими федеральными законами ценностям. При этом необходимо добиться сбалансированности интересов личности, отдельных социальных групп, общества и государства. В качестве критерия, позволяющего устанавливать указанные ограничения, должна выступать потенциальная возможность распространяемой информации подорвать основы конституционного строя, безопасность и обороноспособность государства, оказать негативное влияние на нравственные и моральные устои общества, а также нанести вред правам и свободам как других лиц, так и общества в целом.

Таким образом, право граждан на выражение мнения в киберпространстве должно быть изучено комплексно, необходимо исследовать зарубежную практику регулирования, а также судебную практику, в том числе Европейского суда по правам человека. Только на основании проведенного глубокого анализа можно будет составить работающую модель регулирования права гражданина на свободу мнения в интернет-пространстве.

⁵ Ягланд Т. О состоянии демократии, прав человека и правового государства. Безопасность — императив для Европы защита свободы выражения мнения в Интернете [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/16806c67cb>

⁶ Там же.

Литература

1. Кутафин О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. М. : Норма, 2008. 542 с.
2. Ягланд Т. О состоянии демократии, прав человека и правового государства. Безопасность — императив для Европы защита свободы выражения мнения в Интернете / Т. Ягланд [Электронный ресурс] // URL: <https://rm.coe.int/16806c67cb>

References

1. Kutafin O.E. Rossiyskiy konstitutsionalizm [Russian Constitutionalism] / O.E. Kutafin. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2008. 542 s.
2. Yagland T. O sostoyanii demokrati, prav cheloveka i pravovogo gosudarstva. Bezopasnost — imperativ dlya Evropy' zaschita svobody' vy'razheniya mneniya v Internetе [On the State of Democracy, Human Rights and Law-Governed State. Security as an Imperative for Europe. Protection of the Freedom of Expression in the Internet] / T. Yagland [Elektronny'y resurs — Electronic source] // URL: <https://rm.coe.int/16806c67cb>

Памятка авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1 300 до 2 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

- 1) цель;
- 2) методология;
- 3) выводы;
- 4) научная и практическая значимость;
- 5) ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью Ф.И.О. автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000–37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц (если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено).

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных сносок — смотри ниже.

Ссылки и список литературы — даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
главный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*

